Имперский корсар

Автор:
Михаил Михеев

Имперский корсар

Михаил Александрович Михеев

Современный фантастический боевик (АСТ)

Империя, раскинувшаяся среди тысяч звезд, могуча, и основа ее мощи – люди. Те самые, что водят корабли, исследуют новые планеты, строят, исследуют, а случись нужда – сражаются. Но судьба играет офицером, и бывает так, что блестящий офицер оказывается на обочине жизни. Что делать тому, кто лучше всего умеет водить корабли и стрелять? Вариантов много, и один из них – стать пиратом. Вот только даже если ты – гроза космических трасс, все равно ты русский. Для тебя не пустой звук Родина, Присяга… А еще – друзья, связывающие тебя с прошлым не хуже стального каната. И когда возникнет нужда, между ними и бедой встанет ИМПЕРСКИЙ КОРСАР!

Михаил Михеев

Имперский корсар

© Михаил Михеев, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Не секрет, что друзья – это честь и отвага,

Это верность, отвага и честь.

А отвага и честь – это рыцарь и шпага,

Всем глотателям шпаг никогда их не съесть.

Ю. Мориц, С. Никитин

Большая игра была в самом разгаре. Толпа, собравшаяся вокруг стола, то восхищенно гудела, то замирала, храня гробовую тишину и не рискуя ненароком отвлечь игрока. Это было б уж совсем неспортивно… Да и, откровенно говоря, опасно, поскольку репутацию оба игрока успели заработать соответствующую.

На северной (хотя понятие о сторонах света на Базе – условность, людям надо как-то ориентироваться) половине стола с удобством расположился Джон Смит Тринадцатый. С номером потому, что носителей этой самой распространенной в англоговорящих странах фамилии и столь же распространенного имени по Базе гуляло до хрена. Как бы не больше, чем блох на среднестатистической барбоске. Увы, большинство оказавшихся здесь людей могучим интеллектом не страдало, и, регистрируясь у Смотрящего, они называли первое, что придет в голову. Вот и плодились Джоны Смиты…

Конкретно у Тринадцатого имя и фамилия были хотя бы настоящими. Да и сам он впечатления игрушечного не производил. Квадратный такой, и это при росте в два метра. Голова выбрита из гигиенических соображений – «Сестра ветра», корабль, на котором он служил вторым помощником, была довольно-таки дряхлым фрегатом, построенным в Альянсе лет сорок назад. И, как на любом преклонного возраста судне, давным-давно не проходившем докового ремонта, система жизнеобеспечения «Сестры ветра» оставляла желать лучшего.

Вот и брил голову человек – хорошо промыть волосы при термостате, давным-давно раздумывающем по поводу «а не пора ли сдохнуть», и вечном дефиците воды проблематично. А завшиветь не хотелось. Так что голова Смита напоминала бильярдный шар, украшенный несколькими устрашающего вида шрамами, что вкупе с массивными, тяжелыми чертами лица сразу же отбивало у людей желание лишний раз ссориться. Впрочем, и Смит никого особо не трогал – нрава он был спокойного и даже несколько пофигистического, хотя при нужде зубы оппонентам выбивал не задумываясь.

Его соперник не то чтобы выглядел его полной противоположностью. Скорее, он просто немного терялся на фоне здоровяка. Чуть выше среднего роста, широкоплечий, но притом сухощавый. Рядом с оппонентом он казался, скорее, худым. Правда, в сравнении с большинством людей это ощущение пропадало. В отличие от Смита, Базиль Стоун по прозвищу Викинг носил пусть несложную, но прическу, и выглядел скорее щеголем. Даже, можно сказать, светским львом – было что-то то ли в его рано начавшей седеть шевелюре, то ли в спокойных зеленовато-серых глазах, от чего женщины на него глядели с толикой восхищения.

Впрочем, разница была не только в прическе и габаритах. Смит предпочитал комбинезон, в котором можно и в бар, и на вахту, Стоун же был одет в подобие военного мундира без знаков различия. А еще он носил волосы едва не до плеч, черты лица имел тонкие и интеллигентные и умел разговаривать как на языке трущоб, так и изысканным стилем. И да, он был командиром абордажной группы эсминца «Генерал Ли», и, несмотря на сравнительно безобидную (во всяком случае, без выставляемых напоказ шрамов) внешность, желающих связываться с ним уж точно не находилось. Спокойно убьет, так же невозмутимо перешагнет через труп и попросит бармена налить ему двадцать грамм «за упокой». Случались прецеденты. А еще игрокам было по тридцать стандартных лет, Базиль на две недели старше. В общем, соперники друг друга стоили.

Кости с негромким стуком покатились по доскам, отбивая удачу или неудачу. Впрочем, такие понятия важны для новичков, сейчас же в игре были опытные, давно переставшие полагаться на случай противники. Здесь важнее тактический расчет. А потому кости стучали, фишки двигались… Нарды – игра даже не старая, древняя, но на Базе едва ли не самая популярная. Да и ставки более чем соответствовали интересу. Возле Смита лежала пачка долларов Альянса, не самой ходовой, но все же достаточно распространенной и уважаемой валюты. Под рукой Стоуна угнездилась горка мелких необработанных алмазов примерно на ту же сумму. Очень немаленькую сумму, кстати. И кому она достанется, зависело сейчас от исхода этой партии. Ибо при счете пять-пять одиннадцатый раунд должен был решить всё. Таковы правила, уже вечность как принятые на Базе, и никто не собирался их нарушать.

Смит мельком взглянул на выпавшую комбинацию, подумал секунд пять и отщелкал ходы.

Базиль сделал бросок и ответил тем же. Пока игра шла без заметного преимущества кого бы то ни было, и наступал тот самый редкий случай, когда удача и впрямь могла значить многое. Именно в этот момент и раздался шум, привлекший внимание как игроков, так и зрителей.

Игра шла в библиотеке. Точнее, это место исполняло роль библиотеки в те времена, когда астероид еще принадлежал горнодобывающей компании. Для шахтеров в числе прочего и выделили небольшой зал, где можно было собраться по интересам. И так уж получилось, что слово клуб в космосе не прижилось, а вот библиотека – да, вполне. Пускай даже стены этого помещения в жизни не видели ни одной книги. И шахтеры частенько сиживали здесь, потягивая консервированное синтетическое пиво, обсуждая баб (ой, простите, женщин), словом, коротая время отдыха, как все остальные работяги в любой точке освоенной части галактики. Картина, не меняющаяся, наверное, от сотворения мира.

Но время шло, запасы лития, из-за которого, собственно, и была затеяна разработка этого астероида, подошли к концу, и горняки предпочли сбросить ставший ненужным актив. За символическую цену продавали, чего уж там, вот только покупатели в очередь все равно не выстраивались. Так что положившему глаз на астероид сеньору Маркони он достался за смешные деньги вместе со всей обстановкой, которую дешевле бросить, чем вывозить. И представитель боковой ветви одной из сицилийских семей не прогадал.

Он вообще был деловой человек, хорошо понимающий: актив может приносить нормальную прибыль только при максимуме клиентов и минимуме накладных расходов. Со вторым дело обстояло вполне сносно, астероид имел достаточно совершенную, хотя и порядком изношенную систему жизнеобеспечения, большое количество жилых помещений и складов, плюс два небольших, но вполне пристойных дока, способных осуществлять полноценный ремонт кораблей малого и среднего тоннажа или текущий большого. С персоналом тоже вопросов не возникло – на дворе бушевал очередной кризис, и хватало людей, готовых взяться за любую работу, лишь бы платили. Дело оставалось за клиентами.

Законопослушные космолетчики предпочитали работать с более современными и удобно расположенными терминалами, поэтому Маркони сделал ставку на тех, у кого не все в порядке. Вернее, так: он готов был оказать содействие в ремонте, обслуживании, стоянке, хранении грузов и прочим услугам любому, кто платит.

Тем более что астероид располагался в системе, единственная планета которой, Новая Мексика, пространство могла контролировать исключительно формально. Да и законами планеты бизнес такого рода не возбранялся, главное, чтобы налоги поступали исправно. Неудивительно, что основными клиентами Маркони стали контрабандисты, перевозчики без лицензий и, со временем, откровенные пираты. Им, летающим в основном на легких кораблях, ремонтные доки астероида подходили мало не идеально, и со временем джентльмены удачи стали здесь частыми гостями. Тем более охрана Базы поддерживала порядок, и даже смертельные враги не рисковали устраивать разборки. Пьяные драки, конечно, случались, куда же без них, но в целом База стала островком стабильности и даже некоторым центром коммерции. Не самым крупным, но все же. Маркони сделал когда-то грамотный выбор. Бизнес процветал.

Правда, со временем появились свои нюансы. К примеру, износ оборудования. Если на системах жизнеобеспечения Маркони разумно не экономил, оборудование доков поддерживал во вполне пристойном состоянии и даже сумел кое-что модернизировать, то с мелочами он заморачиваться не собирался в принципе. То, что некогда отполированные столы превратились в обшарпанные плиты грубого пластика, простыни в гостевых помещениях из снежно-белых стали грязно-серыми, а на стенах появились непристойные надписи, его не волновало. Клиенты не жалуются, стало быть, и так сойдет. И так вон ремонтируются без вопросов (правда, втридорога), товар, если надо, можно продать… Увы, настоящую цену не дадут, таковы правила игры. Еда натуральная вместо надоевшей бурды из синтезатора… А что? С Новой Мексики регулярно приходят потрепанные жизнью, но вполне функциональные транспортные корабли, там дары природы стоят сущие гроши. Плюс оттуда же прилетают девицы легкого поведения, деликатно именуемые персоналом оказания психологической разгрузки. И в этом названии ни слова лжи, кстати. Залетают, работают вахтовым методом, за месяц срубая больше, чем дома иной менеджер за год. Некоторые по возвращении вполне неплохо устраиваются, замуж выходят… Впрочем, большинство прилетает и во второй раз, и в третий. Добавьте к этому наркоту и выпивку, которой на Базе валом (опять же, местные законы не препятствуют), и можно получить достаточно красочную картину местной жизни.

В принципе, шум, который отвлек игроков, как раз и проник в помещение из-за общего упадка технического состояния вспомогательных механизмов. Если конкретно, из-за намертво заклинивших в положении «открыто» дверей. В свое время один дятел спьяну устроил драку, получил хороший пинок и врезался в них, повредив своей тупой башкой сервопривод. Дверь в тот момент отъехала в

сторону ровно наполовину, и для того, чтобы восстановить механизм, требовались время и запчасти. В принципе, было бы желание – нашли бы, но Маркони не захотел возиться, остальным же было все равно. Не свое – не жалко. Дверь с помощью лома сдвинули до упора, чтоб не мешала ходить, да так и оставили. И вот теперь через проем в библиотеку проникал шум, да и разглядеть происходящее снаружи можно было.

Смотреть-то, откровенно говоря, было и не на что. Обыденная для этих мест картина. Шагают люди, скованные попарно, чтоб не убежали. Куда? Да в один из малых складов, переделанных под кратковременное проживание большого количества людей с минимумом удобств. Такие иногда снимали для себя отряды наемников, по какой-то причине занесенные в эти места. Впрочем, чаще их использовали как тюрьму. Вот как сейчас, например.

Откуда эти люди взялись? Тут все тоже понятно. Судя по гортанным крикам, это люди Большого Али, у него половина экипажа – арабы. «Меч пророка», корабль с громким именем, но, по сути, переделанный на скорую руку транспортник, на котором Большой Али рассекал по просторам космоса, вернулся этим утром из набега. И, стоит признать, в этот раз удача ему улыбнулась, сторицей вознаградив за предыдущие три месяца неудач. Большому Али удалось перехватить транспортный корабль Европейской ассоциации, да не простой, а в грузопассажирском исполнении. Такие порожняком не бегают, а значит, куш старый фанатик взял приличный.

И в грузе, и в людях. Причем если первый неизвестно, что собой представляет, то второй – вот он. Человек сто, не меньше. На кое-каких отсталых планетах этих людей, особенно женщин, можно продать за хорошую цену.

Многие обратили внимание на то, что Стоуну это зрелище как-то сбило настрой на игру. Следующие два хода он сделал рассеянно, будто мысли его витали где-то далеко от стола. И, естественно, Смит воспользовался моментом. Победа с минимальным преимуществом – это все равно победа. Что же, легко пришло – легко ушло, именно так прокомментировал свое поражение Базиль, передвинул алмазы к сопернику и хлопнул его по протянутой руке. Ну а потом оба отправились в бар обмывать результат, что, впрочем, никого не удивило – эти двое не то чтобы приятельствовали, но отношения у них были хорошие. Почему, отчего – никто не знал, да и не интересовался. Здесь в чужую жизнь лезть было как-то не принято, можно и на кинжал в печень нарваться. И уж точно никто не мог предположить, что этот маленький эпизод будет иметь большие

последствия.

Большой Али нарды тоже уважал, но играл в них исключительно со своими подчиненными. Дело в том, что игроком он был так себе, а проигрывать не любил. Раскладывая же партию в узком кругу, он каждый раз убеждался, что лучше него игроков еще не рождалось, а значит, никому и ничего доказывать не требуется. Это пускай гяуры друг с другом соревнуются, а Большой Али и без того знает, что он – лучший.

Сейчас он, правда, ерундой не занимался, имелись у него дела поважнее. Если конкретно, то бухгалтерия. Большой Али (правда, сам он в том никогда бы не признался) имел тайную страсть – увлекался математикой. Родись он в нормальном государстве, кто знает, возможно, из него получился бы неплохой ученый. Но сложилось так, как сложилось, и уроженец Малого Египта стал пиратом. А потому и приложение своим талантам нашел на чуточку другом поприще. Финансами пират занимался лично, и конкретно сейчас, полулежа на огромном диване, он как раз просматривал файлы прихода-расхода.

В моменты, когда на пиратского капитана снисходило желание поработать (а это случалось, надо признать, не так уж и редко), доступ в каюту посторонних категорически воспрещался. Сейчас был именно такой случай, и кроме Большого Али в помещении находилась лишь рабыня-японка, один взгляд на которую приводил к стойким мыслям о педофилии. Впрочем, она как раз занималась делом – массировала хозяйскую ногу.

Давным-давно, еще на заре карьеры, Большой Али служил в регулярном флоте, под началом знаменитого среди арабов адмирала Хуссейна. А так как, несмотря на склонность к математике, попасть в артиллерию он не смог – увы, «теплые» места были давным-давно заняты теми, кто имел больше денег и связей, – то вынужден был пробиваться в жизни обычным десантником. И во время какого-то мелкого конфликта заполучил плазменный заряд в ногу. Десантные доспехи помогли, и конечность осталась на месте, но ожог получился знатный. Залечили, стоит признать, неплохо, однако фантомные боли периодически возникали, и, когда была возможность, Большой Али боролся с ними наиболее простым и безвредным методом. Вот и держал при себе массажистку – как он считал, наркотики, да и просто обезболивающие препараты оказывают не самое лучшее воздействие на организм.

Вот такая жизнь. Как весы прямо – вначале летаешь по космосу и стреляешь, а потом лежишь и расслабляешься, занимаясь любимым делом. Увы, на этот раз его прервали.

– Капитан, – голос из динамика выражал безграничное сожаление в том, что приходится отрывать хозяина от важных дел. – Тут к тебе Смит Тринадцатый явился.

– Пропустить, – пауза была столь короткой, что несведущий человек ее и не заметил бы вовсе. С Джоном Али был знаком давно, летали вместе, было дело. И пират отлично знал: если коллега по ремеслу, даже пускай уступающий ему в формальном ранге, просит о встрече, то на это у него имеются веские основания. Как минимум стоит выслушать.

Когда Смит вошел, то в каюте будто бы сразу стало тесно. Все же габаритами он хозяина, человека, к слову, тоже немаленького, превосходил заметно. Не спрашивая, сел в кресло, плеснул себе на два пальца из стоящей на изящном, ручной работы (трофей, который так понравился пирату, что намертво обосновался в его каюте) столе бутылки, залпом выпил и удовлетворенно крякнул. Вещь! Али кивнул довольно – мол, дряни не держим. Он, конечно, был правоверным мусульманином, периодически читал Коран и мог даже вполне квалифицированно поспорить о некоторых нюансах, в нем изложенных, однако фанатизм его имел определенные границы. Во всяком случае, в маленьких радостях жизни ни он, ни его люди себе не отказывали. Да и в больших, откровенно говоря, тоже…

– Рассказывай, – усмехнулся пират. Смит вернул усмешку, вновь наполнил стакан и отсалютовал им старому знакомцу:

– О чем?

– О том, из-за чего ты оторвал меня от важных дел, – Али был терпелив и неплохо знал человека, с которым имел дело. Тот может в словесный пинг-понг минут десять играть, вне зависимости от важности дела. Впрочем, на этот раз Смит не стал испытывать его терпение.

– Выйди.

Он вроде бы не поворачивался к рабыне, даже бровью не шевельнул, но та четко поняла, кому предназначен этот приказ, и испарилась как по волшебству. Али удивленно приподнял брови:

– Даже так?

– Даже так. Извини, это и впрямь важно.

И – опасно.

– Говори, – Али разом подобрался и сел, глядя в глаза собеседнику.

Тот поморщился:

– Скажи, тебе что, жить надоело?

– То есть? – удивленно приподнял брови пиратский капитан.

– Так и есть. Пленных захватил? Молодец, продашь, и неплохо. Но зачем ты их по коридору гоняешь?

– Не понял.

– А чего тут не понять. Прогнал их по центральному коридору. Зачем?

– Потому что он самый удобный. Тебе-то какая разница?

– А такая. Среди них как минимум один имеет отношение к Империи.

– Это с чего ты так решил?

– А с того, что Стоун услышал русскую речь.

– Мало ли кто говорит по-русски? – Али выглядел удивленным. – Язык-то распространенный.

– Ага, только твои придурки этого не знают. Скажи, кто, будучи в плену, заговорит на русском языке? В каком случае? Только если он для него родной, или он обращается к русскому. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Али понимал. Еще как понимал. Империя – это не шутка, русские способны устроить большой тарарам и, как говорят в Альянсе, надрать задницы кому угодно. И своих они не бросают. Это у них практически с времен формирования Империи стало официальной политикой и национальной идеей. Но…

– Он мог ошибиться?

– Викинг? Сомневаюсь. Так что проблемы могут случиться нешуточные.

– Кто ж узнает?

– Стоун узнал. А кто другой мог узнать и не подать виду. Чтоб потом информацию продать.

– Да ерунда все это, – отмахнулся Али. Его восточный менталитет все же иногда мешал с ходу признать очевидное. Смит эту черту характера собеседника знал и спорить не пытался, лишь рукой махнул:

– Ладно, поступай, как знаешь, но я тебя предупредил.

– Успокойся, Джон. Даже если твой Стоун прав, и кто-то в толпе говорил по-русски, это еще не значит, что он имеет отношение к Империи. В космосе много планет, а людей еще больше. Да и этих… Я завтра отправлю всех отсюда. Честно говоря, не привозил бы вообще, но третий маневровый сдох окончательно, пришлось вставать на ремонт.

Смит пожал плечами и встал:

– Ты не обижайся, Али. Я тебя давно знаю и уважаю, но иногда твоя упертость лишняя. Когда сюда придет Империя, лично я хочу оказаться от Базы как можно дальше. Жить хочется, привык я как-то… В общем, я тебя предупредил. Думай.

И ни один из собеседников не мог подумать, что их разговор слышит еще кто-то. Точнее, подслушивает. За подобное Али лично смахнул бы наглецу голову фамильным ятаганом. Случались прецеденты. И все же человек, готовый рискнуть, нашелся. И, как оказалось, не напрасно.

Ночь на космической станции, вне зависимости от ее размеров и оснащения, понятие относительное. И причина тому самая что ни на есть банальная – живущие внутри нее люди не зависят от внешних источников света. Включишь лампы – будет тебе день, выключишь – ночь, как-то так.

Но людям все равно на что-то надо ориентироваться, именно поэтому они так и остались верны старинному двадцатичетырехчасовому графику. И соблюдается он одинаково и на пассажирских лайнерах, и на военных кораблях, и на таких вот пиратских базах. Разумеется, на разных планетах и сутки отличаются, поэтому тем, кто привык к более длительным или коротким дням и ночам такой стандарт не всегда удобен, но и недовольство свое никто всерьез не высказывает. Так, могут поворчать, но и только – идти против общего стандарта попросту невыгодно.

Именно поэтому в строго отведенное время на Базе наступила ночь, и народ расползся по каютам – спать. Освещение в коридорах, правда, осталось, но только в центральных. В мелких, боковых и технических, оно и так-то не было слишком интенсивным, потому что за годы интенсивной и не очень бережной эксплуатации часть осветительных панелей вышла из строя, а остальные покрылись толстым слоем пыли. На ночь оставался только дежурный свет, в четверть от стандартного, а с учетом местных реалий и того меньше, и потому видимость была отвратительной.

Впрочем, дежурному оператору происходящее в тех коридорах было совершенно неинтересно. Запись идет, контрольные датчики тревогу не поднимают – стало быть, и оружие, энергетическое либо стрелковое, не применяется. А более «спокойные» нарушения вроде поножовщины, случись нужда, завтра разберут. В конце концов, для того камеры и установлены. К слову, стычки с ранеными и трупами случались регулярно, никого особо не удивляли и людей, выбравших профессию с риском, не напрягали. Так что пусть их. Задача оператора – чтоб камеры работали, и только.

На человека, вышедшего из своей каюты в одном из таких коридоров, никто не обратил внимания. В самом деле, каюты здесь без удобств, санузел на весь блок один. Делались-то они для шахтеров, а те не лорды. Работать сюда приехали, деньгу зашибать, а не на пляжах валяться. Смена контингента ничего не изменила, а потому народу, решившего прогуляться «до ветру» или принять душ, хватало. Правда, большинство отбегалось заметно раньше, но мало ли какие у человека привычки либо проблемы. Вышел – и вышел. А учитывая, что идет чуть согнувшись, скорее всего, с вечера сожрал что-нибудь не то. Еда с Новой Мексики была вкусной, имела национальный колорит, но подходила далеко не всем. Так что нагрузка на унитазы здесь всегда была повышенная, хе-хе…

Человек и впрямь отправился в сортир, где честно справил малую нужду. А вот дальнейшие его действия уже заметно отличались от тех, что обычно проделываются. Камер видеонаблюдения в туалете не имелось. Вернее, когда-то их там устанавливали, но после смены хозяев новые постояльцы очень быстро выдернули камеры с корнем. В отличие от работяг, вынужденных терпеть подобное вмешательство в личную жизнь согласно контракту, нынешние постояльцы Базы могли за такое и шею свернуть. Поэтому досмотр ограничивался коридорами и общественными местами, что посетителя туалета вполне устраивало. Правда, существовала еще вероятность, что оператора заинтересует причина, из-за которой человек наглухо завис в санузле. Но она была столь малой, что ею можно было пренебречь, а включить отслеживание входящих-выходяших к компьютеру Базы никто не подумал, об этом человек позаботился узнать заранее.

Потом – душевая. Не самый удобный из блоков, как решило бы большинство, но только не этот посетитель. Он мыться и не собирался, вместо этого быстро переоделся в извлеченный из сумки якобы со сменным бельем облегающий темный комбинезон и того же цвета скрывающую лицо шапку-маску. Потом достал набор отверток, с помощью которого в два счета снял небольшой щиток из толстого пластика. Именно наличие здесь этой практически сливающейся с камнем стен пластины и обуславливал его выбор кабины. Потому что когда она аккуратно вышла из пазов, за ней открылся вход в технический коридор, о котором вообще мало кто знал.

Протиснуться в не слишком широкий проем оказалось достаточно сложно, еще тяжелее – закрепить изнутри плиту так, чтобы это не бросалось в глаза. Но человек справился с задачей, после чего решительно направился по коридору,

тускло подсвеченному и узкому. Впрочем, он шел уверенно, ибо план вызубрил намертво. Судя по толстому слою пыли, этим путем давно никто не ходил, что радовало. И он шел, словно привидение в каком-нибудь старинном замке, прямиком к своей цели.

Несмотря на достаточно внушительные по меркам астероидов размеры, в абсолютных цифрах он был не так уж и велик. Соответственно, и коридоры Базы, что рабочие, что технические, на поверку оказались не слишком внушительными. Не прошло и трех минут, как посетитель достиг своей цели и с интересом огляделся. Интересные у строителей были задумки, технические коридоры от посторонних глаз скрыты, зато из них наблюдать можно за чем угодно. Вряд ли паранойя, скорее, все же трезвый расчет, только причина решения неясная. Впрочем, незваному гостю на это было плевать.

Куда важнее казалась система видеонаблюдения. Она здесь была архаичная, проводная – впрочем, в космосе такой метод, как ни странно, прижился и сдавать позиции не собирался. Все же обилие посторонних излучений добавляло целую гору проблем, а хорошо защищенный кабель позволял неплохо блокировать помехи. Здесь, в недрах астероида, ими можно было и пренебречь, но какой смысл возиться, если проще взять стандартную раскладку, дешевую и надежную? И, к слову, подключиться к ней тоже намного проще.

Никто и не заметил, как единственная установленная в этом тупичке камера начала передавать не в режиме онлайн, а запись одной и той же картинки с дремлющим часовым. А чего бы ему не дремать? Заступил на пост час назад, сменят еще через три часа. Правда, есть еще и сам охраняемый объект, но как раз за него смысла беспокоиться особого не было. Тяжелые ворота склада заперты, изнутри их не открыть в принципе, да и снаружи сделать это не так-то просто. Бесшумно уж точно не получится. Плюс вне боя подчиненные Большого Али дисциплиной вообще не отличались. Так что сел часовой у обшарпанной стены, поставил рядом архаичный французский лучемет с коротким толстым дулом и принялся спокойно похрапывать.

Само собой разумеется, что вышедшую будто бы из самой стены темную фигуру он не заметил. И так же не заметил, как сон его стал еще глубже. Человек в маске аккуратно убрал пистолет-инъектор – убивать кого-либо без нужды ему не хотелось. Профессионал может оставить за собой горы трупов, но сделает это лишь в случае, когда убивать действительно необходимо. Сейчас этого не требовалось, и часовой остался жив. Через два часа он проснется с гудящей,

будто с перепою, головой, но это будет наименьшей из его проблем.

Проход на склад именовался воротами несколько преувеличенно. Обычный шлюз под размер стандартного погрузчика. Запертый. Нужны или пароль, или полкило взрывчатки, которая, несомненно, перебудит всю Базу. Человек несколько секунд рассматривал кодовый замок, потом вытащил из кармана микрокомпьютер и ловко подключился к резервному вводу. Теоретически для взлома такого замка с помощью внешнего устройства потребовалось бы несколько часов. Это если не знать аварийных кодов, разумеется. Пятнадцать секунд – и запирающие ворота клинья с тихим, различимым, скорее, по едва заметной вибрации камня, шелестом уползают в стороны. А потом титановая пластина мягко и беззвучно уползает в сторону, открывая большое, освещенное тусклыми лампами помещение.

В используемом как большая тюремная камера складе находилось человек сорок. Некоторые спали и сейчас, разбуженные неожиданным визитом, щурились и хлопали глазами. Остальные просто смотрели на вошедшего, кто-то испуганно, кто-то зло, кто-то устало-безразлично. Нормальный спектр эмоций, в принципе. Человек в маске окинул их взглядом и негромко спросил:

– Штурман есть?

Один из лежащих, худой человек средних лет с перевязанной бинтами рукой, так же негромко ответил:

– Я штурман.

– Это хорошо. Значит, так. По моей команде выходим и, соблюдая тишину и спокойствие, ни на что не обращая внимания, идете за мной. Я доведу вас до причала, где находится ваш корабль. Садитесь на него и валите так быстро, чтобы никто не смог даже след ваш разглядеть. Ясно?

– Что происходит? – раздался женский голос откуда-то из глубины зала. По-английски, но, судя по откровенно-плебейскому построению фраз, говорившая была с одного из периферийных миров Альянса. – Я требую…

– Заткните ей рот, – приказал незнакомец.

На мгновение завязалась возня, потом звук удара, и дамочка заткнулась. Видимо, среди пленных нашлось достаточно здравомыслящих людей. Человек в маске удовлетворенно кивнул:

– Все, собирайтесь. У вас примерно семь минут. Потом начинаем движение. Штурмана вывести любой ценой, хоть на руках его несите. Без него корабль не полетит. Остальные – по способности, отстанете – ждать не будем. Все поняли?

Разномастный, но дружный гул послужил ему ответом. Все правильно, на рудники или евнухом в гарем никто не хочет, и осознание перспектив стимулирует работу мозга. Впрочем, и собираться им особенно не требуется, все равно при себе ничего нет.

Процесс стронулся с мертвой точки не через семь и даже не через восемь, а почти через девять минут. Это вписывалось в заложенные диверсантом временные рамки, но все же он начал самую малость тревожиться. А потом негромко бумкнуло, астероид едва заметно вздрогнул, и сразу же пропал свет. Еще пятнадцать секунд – и, в строгом соответствии с регламентом, вспыхнули красные лампы аварийного освещения. Все, можно начинать.

– За мной!

Они шли по коридорам, удивительно на взгляд непосвященных пустынным. А так – все понятно. Сейчас люди бегут по другим коридорам, центральным, к своим кораблям. И имеют при этом кучу проблем. Взрыв произошел на противоположной стороне Базы. Не такой и сильный, кстати, но слегка повредивший док. Тоже неудивительно – именно в нем взорвался разъездной катер с «Морского змея», уже неделю стоящий там в ожидании ремонта. Учитывая, что единственный на Базе специалист по ремонту систем управления неделю как лежал в запое, наклюкавшись ядреного, настоянного на местных галлюциногенных ягодах, самогону, и очередь на ремонт скопилась изрядная, простоять он мог еще долго. Но, увы, не дождался – рванул. Хорошо еще, таким суденышкам реакторов не полагалось, только накопители, но все равно грохнуло неслабо.

Ситуация, в общем-то, неприятная, но далеко не самая страшная. Особенно учитывая, что катер пришвартован с внешней стороны, в космосе, ударной волны нет. Ну, разрушилась обшивка несколько внешних отсеков, и только. Их

практически сразу заполнила герметизирующая пена, так что существованию Базы ничего, в общем-то, не угрожало. Но еще одним последствием взрыва явился мощнейший всплеск электромагнитного излучения, а это уже серьезнее.

Вообще, теоретически это возможно. Практически же всплески, как правило, очень слабые. Но есть один нюанс – если не знать, как увеличить их мощность. Тот, кто вечером копался в катере, знал. И потому вся аппаратура Базы частью сгорела, частью просто зависла. На какое-то время астероид был обесточен, не работали управляющие контуры, а главный компьютер Базы выдавал вместо команд беспорядочный набор символов. Сколь долго будет длиться это безобразие, оставалось лишь гадать, а потому беглецам следовало поторопиться.

Сзади раздались громкие рыдания. Человек в маске повернулся, увидел, пожалуй, самое слабое звено в их группе – мальчишку лет шести, упавшего, разбившего колено и теперь, вместо того чтобы встать и бежать, обильно размазывающий по лицу крупные, словно виноградины, слезы. Около него уже клушами суетились две женщины. Мужчина скривился, это было видно даже через маску:

– Тащите в общем темпе или бросьте его на хрен. Времени нет.

– Как вы можете…

– Можете оставаться с ним. – Времени для полемики не было, но тот факт, что остальные, включая мужчин, никак не пытались помочь упавшему, он отметил. Штурмана буквально несли на руках – он, как оказалось, серьезно пострадал во время схватки, когда орлы Большого Али ворвались на корабль. Но то, что его волокли, неудивительно – без штурмана кораблю не уйти из системы. На ребенка же всем было плевать. Ну, почти всем. Женщины булькнули возмущенно, подхватили мальчишку под руки. – И рот ему заткните, не хватало еще, чтобы нас услышали…

То ли ребенок успокоился, то ли они выполнили его приказ, но рев как-то разом прекратился. А еще метров через триста они уперлись в узкий, как прямая кишка, коридор, у входа в который стоял человек.

Он был велик ростом, широк в плечах и, казалось, в одиночку загораживал все пространство. И на лице его тоже была надета маска – копия той, что носил предводитель беглецов. Толпа разом затормозила, и лишь человек, возглавлявший ее, шагнул вперед:

– Ты все сделал?

– Да. Люки разблокированы, охраны нет.

– Спасибо. Я твой должник.

– Не переживай, космос мал, и увидимся, и сочтемся. Может, останешься?

– Не думаю, что это хорошая мысль. Слишком большая вероятность, что раскопают концы.

– Смотри сам. Удачи.

Они обнялись, и предводитель махнул рукой – вперед, мол. Пленные гуськом, пригибаясь, так как потолок коридора был слишком низким, шустро побежали к кораблю. Здоровяк шагнул в сторону, уже почти скрылся в боковом коридоре – и именно в этот момент раздался отчаянный крик.

Им было бы плевать на крики – в конце концов, сейчас на станции творился жуткий бардак. В такой ситуации ожидать можно все, что угодно, и поножовщина в такой ситуации сущая мелочь. Но, во-первых, в крик вплетались азартные вопли на русском, а во-вторых, тот, кто привел сюда беглецов, уже сообразил – пацан, разбивший колено, и две не захотевшие бросить его тетки, отстали. А главное, крики доносились как раз оттуда, где они сейчас должны были находиться. И человек, выводивший пленных, не раздумывая бросился туда.

Картина, представшая перед ним за первым же поворотом, выглядела достаточно сюрреалистично. Точнее, часть ее была вполне логичной – сидит женщина, прижимая к себе пацана, и зажимает рукой лицо. Даже в неярком свете аварийных ламп заметно, что оно уже наливается нездоровой синевой, как это и положено после хорошего, смачного удара. Ну и четверо пиратов… А вот

дальше – сплошной сюрреализм, поскольку из этой четверки двое небоеспособны. Один лежит, скрючившись и вцепившись в собственные гениталии, а второй сидит рядышком и баюкает сломанную руку. А перед оставшимися на ногах стоит вторая женщина в стойке, весьма напоминающей разъяренную кошку.

Только вот шансов у нее не было. Женщина, что физически, что в рукопашной, слабее мужчины, если тот, конечно, не полный неумеха. Сейчас противников было двое, и драться они умели – других на Базе и не встречалось. Их получилось застать врасплох, когда вместо не способной оказать сопротивление жертвы перед ними оказался подготовленный боец, но сейчас…

Похоже, расклады понимали все трое. Пираты (а это были именно пираты, абордажники с «Геркулеса») неспешно двигались вперед, уже обмениваясь шуточками по поводу того, что сделают после драки, женщина отслеживала их движения… А потом в схватку вмешалось новое действующее лицо, и все завертелось не по сценарию.

Бегущий не скрывался, просто двигался очень быстро, и женщина успела лишь отпрыгнуть в сторону. Впрочем, человека в маске она сейчас интересовала в последнюю очередь. Бросок! Его противники начинают движение, но – медленно. Слишком медленно – тут и неожиданность в смене ситуации, и просто совсем иной уровень подготовки…

Со стороны это выглядело очень эффектно. Кажущаяся размазанной из-за скорости фигура буквально проскочила мимо ближайшего пирата, словно бы мимоходом слегка задев его левой рукой. Этого «слегка» как раз хватило, чтобы отшвырнуть абордажника в сторону, обеспечив соприкосновение головы со стенкой коридора. Характерный звук удара пустого о твердое – и пират оседает, а его товарищ к тому времени уже переворачивается в воздухе, да так, что ноги его чиркают по потолку.

И с мокрым шлепком падает на пол. Все это действо занимает едва пару секунд.

– Я же сказал – бросьте его к черту! Идиотки! – после чего одним движением, словно котенка, подхватил мальчишку за шиворот, второй рукой точно так же зацепил женщину с фингалом и без видимых усилий потащил их по коридору. – Бегом!

Они пробежали едва половину расстояния, как раздался характерный лязг и, почти одновременно, шелест закрываемых перегородок. И это было просто замечательно, потому что сразу вслед за лязгом станция вздрогнула, как это всегда и бывает при «холодном» старте. Если, разумеется, кто-то решил не отстыковывать корабль – при аварийном старте бывает…

– Проклятие! – мужчина остановился так резко, словно налетел лбом на бетонную плиту. Разжал руки, от чего и пацан, и женщина, практически с одинаковыми звуками плюхнулись на пол, и ударил кулаком о стену. – Уроды!

– А я тебе говорил, – из темноты навстречу ему выдвинулась массивная фигура. – Не доверяй людям. Ты им помог – они тебя бросили.

– Ты еще со своими нравоучениями…

– Не переживай. Дядюшка Джон об этом подумал и о тебе, дятле, позаботился. За мной!

Вновь короткий бег по коридорам – и вот он, финал.

– Такой тебе подойдет?

– Чей он?

– Хромого. Его и ободрать не жалко.

– А команда?

– Один здесь, другой внутри дрыхнет. Остальные вечером пили. Теперь в гостевом комплексе спят. Я позаботился, до утра их пушкой не разбудишь. Бегом давай!

Центральный причал не пользовался у ретроградов-космонавтов популярностью. В свое время здесь загружали на корабли руду, и причал строили с размахом. В результате получилась выемка пяти метров высотой и в сотню длиной. Оставить столь внушительное пространство без внимания было просто невозможно. Маркони просто не мог оставить такое богатство пропадать – но, с другой

стороны, и устраивать там жилые, бытовые либо складские помещения не получалось. Фонило там. Не то чтобы сильно, два-три часа, даже сутки человеку проблем не доставят, однако за неделю-другую (а товары могли лежать и дольше) полученная доза радиации могла выйти уже значительной. Именно поэтому сооружение начали использовать по назначению. Вот только дизайн Маркони решил не менять – и, как оказалось, просчитался.

Теоретически оптический бронепластик мало уступает по характеристикам стали. Практически же напоминающая мыльный пузырь невесомая пленка (ну и пускай там стенки в полметра толщиной) доверия привыкшим к кондовой броне звездолетов космонавтам не внушала. И даже тот факт, что на нее в любой момент можно опустить титановые пластины, дела не менял. Не нравилось людям ощущение единения с космосом, хоть тресни. Нет, туристам бы понравилось… наверное, но суровые, не склонные к романтике профессионалы воротили носы. У них профессиональный сдвиг и психологическая несовместимость. Именно поэтому к центральному причалу корабли швартовались редко и по необходимости, сиречь отсутствию более престижных, пускай даже неудобных мест. Но, конечно, хоть снаружи, хоть изнутри смотрелось здорово!

Сейчас у причала располагался один-единственный корабль. Хороший корабль, даже, можно сказать, красивый. Впрочем, боевые корабли вообще красивы. Но построенные в Империи практически всегда отличались от большинства своих собратьев редким сочетанием утилитарности и изящества дизайна. Неудивительно, что этот корвет типа «Волхов» на фоне сборной солянки, присосавшейся к причалам Базы, выглядел словно породистый кот среди помойных собратьев.

И, будучи сейчас перед глазами во всей красе, невольно завораживал.

Впрочем, корабль был стар. Не внешне, а морально и физически. В Империи такие корветы сняли с вооружения лет двадцать назад. Откуда Хромой, беспредельщик и наглец, его раздобыл, он, естественно, не распространялся. И потому, что был личностью скрытной, и просто не успел – всего несколько часов как пригнал новую игрушку. Хотя и так ясно – или где-то наткнулся на плохо охраняемый отстойник, в котором расположились законсервированные на черный день ветераны, или, как вариант, добыл у кого-то, кому Империя распродавала устаревшую технику. Учитывая, что желающих хватало, выбор вариантов более чем приличный.

Тем не менее для пиратства возможностей корвета хватало даже с избытком. И Хромой, разумеется, мог быть доволен своим приобретением. Зато многие другие (а недоброжелателей у ухитряющегося поссориться с любым собеседником через пять минут разговора пиратского капитана хватало) смотрели на его новый корабль с неодобрением. И потому, во избежание эксцессов, у шлюза караулил один из людей Хромого. Судя по недовольной роже, ему не слишком-то было по душе это занятие, тем более во время аварийной ситуации, однако же он мужественно стоял, не делая попытки оставить свой пост. В команде Хромого желающих связываться с капитаном найти не удалось бы при всем желании. Дураков нет.

Часовой бдел, но, увы, размеры причала и освещение сыграли с ним злую шутку. Слишком много оставалось плохо освещенных мест, по которым грамотный человек способен подойти бесшумно. Не прошло и двух минут, как позади него выросла темная фигура. Миг – и пират осел.

– Живой? – остальные участники их забега оказались рядом через какую-то секунду.

– Да живой, живой. Только мне и надо, что его убивать, – оглушивший часового нагнулся над замком. Обычно корабли не охранялись, но и попасть в них так запросто вряд ли получилось бы. Проход в шлюз блокируется, не имея карты доступа вскрыть его не так просто. Однако сейчас уже само наличие часового оказалось слабым местом – у него-то карта была. Короткое движение – и люк с шипением отошел в сторону, пропуская диверсанта.

– Питер, это ты? – тяжелые шаги не смог заглушить даже мягкий пластик палубы.

– Я, я…

– Что у тебя с го…

– С голосом у меня все в порядке, – после этих слов на причал было выпихнуто еще одно бесчувственное тело. – Все на борт. Джон, спасибо тебе. Может, ты с нами?

– Да кому я там нужен? – развел руками здоровяк.

И в этот момент вспыхнул свет.

Просто удивительно, с какой скоростью огромное помещение может заполниться народом. Точнее, не так уж много народа здесь оказалось, но двигались ворвавшиеся на причал предельно шустро, грамотно рассредоточиваясь. Абордажные группы Хромого и Большого Али, капитанов, обычно не слишком ладивших, на сей раз действовали в трогательном единении. Опытные, хваткие головорезы, не раз и не два бравшие приступом корабли и космические станции, высаживавшиеся на планетах, громя многократно превосходящие их численностью гарнизоны… Впрочем, и противники были им под стать.

Не сговариваясь, мужчины синхронно ушли, один вправо, другой влево от шлюза. Как ни странно, это давало им немалое преимущество – атакующие не могли применять энергетическое оружие. Пластиковое окно, при всей своей толщине и прочности, для ударов энергетического оружия уязвимо, а значит, стрелять по цели из лучеметов смертельно опасно для всех. Промахнешься, дырку сделаешь – и все. Отнюдь не факт, что система аварийной герметизации сможет ее перекрыть. Вот и пришлось абордажникам отказаться от лучеметов. Сейчас им более всего подошли бы станнеры, но вот их-то никто с собой прихватить не догадался. В результате пираты вынуждены были пустить в ход надежное, но маломощное пулевое оружие, тогда как их противники такими самоограничениями, равно как и излишним человеколюбием, не страдали. Это раньше они старались не убивать – и, в принципе обходились пока без трупов, но сейчас разговор шел о собственной шкуре. И залп их оказался сокрушительным.

Лучемет – оружие, при снайперской стрельбе немногим опаснее классических систем, но крайне эффективное для стрельбы по площадям. И, в отличие от пуль, бронежилеты против высокотемпературной плазмы защита никудышная. Атакующие моментально ощутили это на собственной шкуре, когда потоки энергии буквально просеки прорубили в их рядах. И тем, кто умер сразу, еще повезло. Стены, казалось, вздрогнули, когда не успевшая рассеяться энергия погасилась камнем, и расплавленная порода стекла на пол…

Кого-то более слабого в поджилках это остановило бы – но не пиратов. Они видели и не такое, а жизнь привыкли не слишком ценить, ни свою, ни тем более

вражескую. Вынужденную нехватку огневой мощи они тут же компенсировали плотностью залпа, и один из защитников корвета осел на пол. Вот только дело свое он уже сделал – за те несколько секунд, что атакующие потратили на него, женщины, волоча за собой испуганно верещавшего мальчишку, успели спрятаться на корабле, под защиту брони. А затем свет выключился снова.

Уцелевший обороняющийся среагировал моментально, выдав плотную струю плазмы из лучемета. Попал, не попал – не суть важно. Главное, что те пираты, у кого автоматически включились тепловизоры, моментально ослепли от вспышки. Кто-кто, а уж он-то знал, что бойцы абордажных групп что у Хромого, что у Большого Али пользуются в основном доступными, а значит, сравнительно дешевыми моделями. Обратная сторона дешевизны – отсутствие некоторых важных функций вроде блокировок таких вот вспышек. Так что по глазам наверняка резануло качественно. Да и те, кто шел без электронных костылей, тоже оказались не в лучшей ситуации – после яркого света зрению надо время для адаптации. Немного. Однако полученную фору требовалось использовать.

Бросок к товарищу. Живой, нет – пока неважно, выяснять нет времени. Рывок! Ух, да что ж ты такой тяжелый уродился-то… Зараза! Выживешь – на диету сядешь… Тут же стало вроде бы чуть полегче – и быстрый, тихий шепот:

– Кабели перебиты. Две минуты есть.

Выяснять, кто это нет времени, сзади вновь гремят выстрелы, частые и неприцельные. Пули рикошетируют от прозрачных стен по непредсказуемым траекториям, одна бьет в плечо. Ощущения – словно конь лягнул, но бронежилет, хороший десантный, еще со службы, выдерживает. Однако же так сдуру и попасть могут. Сзади пискляво ойкают, и он не глядя перехватывает кого-то удивительно легкого и мелкокостного. И так, волоча за собой два тела, вваливается на корвет.

Тяжелая броневая плита шлюза закрывается за спиной. Узкий коридор, в котором одна из женщин пытается успокоить мальчишку. Идиотка! Второй, той, что пыталась остановить (и, кстати, остановила) пиратов в коридоре нет – он, причем изначально, в том не сомневался. Разжать руки, обернуться, удивленно приподнять брови… Времени нет! Короткое:

– В диагност их, живо! И пристегнитесь!

И бегом по коридору. Хорошо еще, на корветах они достаточно короткие. Не дредноут, чай…

Рубка корабля была такой же, как и в стародавние времена. Никаких изменений. Впрочем, кто ж их будет производить, а главное, зачем? Все и так продумано до мелочей. Мерцали огни на архаичного дизайна пульте, выдавали информацию экраны… Так с ходу и не разберешь, какую – на таких кораблях он не бывал давненько. Однако главное понятно с порога – энергосистема активирована, корабль под контролем. Женщина сидела в пилотском кресле, и руки ее метались над пультом вспугнутыми бабочками. С такой скоростью может работать лишь человек, не просто летавший на таком вот корабле, но и делавший это много раз и сравнительно недавно. Моторика еще не ушла.

Движения плавные и вроде бы неторопливые, однако столь точно выверенные, что темп получается куда выше, чем у неподготовленного человека. Сесть в кресло штурмана. Пристегнуться, иначе при резком маневре вполне можно улететь пустой головой аккурат в ближайшую переборку. Проверить работу пульта. Активировать главный оружейный комплекс – он, вообще-то, обычно находится под контролем пилота, но той сейчас не до стрельбы. Бросить взгляд на место пилота и мысленно выругаться:

– Ты что делаешь?

– Стартую…

– Ты не отстыкована, надо ломать шлюзовые захваты.

– И что? – окрысилась женщина. – Сейчас я…

Он вновь мысленно выругался. Ажурно-невесомые и вроде бы несерьезные на вид захваты на самом деле вполне способны удержать корабль побольше старого корвета. Та, что сидит в кресле пилота, явно не понимает, что если будет подавать энергию на двигатели в стандартном режиме, то не оторвется. Возможно, раскрутит Базу вокруг оси. Может быть, астероид и вовсе сойдет с орбиты – дури имперским двигателям хватит. Но отрываться надо иначе…

– Управление на меня!

Женщина недовольно скривилась, на перемазанном грязью лице это выглядело даже забавно, однако подчинилась. Мужские пальцы легли на джойстик, рука ощутила, как просыпается в сердце корабля могучий, но пока что крепко удерживаемый в узде зверь. Вспомнилось об оставшихся в коридоре, но ждать было уже некогда – пираты опомнились, сквозь прозрачный экран было видно, как они тащат что-то большое и явно мощное, отсюда не разберешь, что именно. Что же, кому-то не повезет, а кому именно – покажет время.

Корвет содрогнулся. Вместо плавного старта – экстренный запуск маршевых двигателей. Кресла протестующе заскрипели. Рывок – и бальзамом на душу понимание, что им удалось вырваться. Звездолет уходил, и на кормовых экранах хорошо была видна стремительно удаляющаяся база с торчащими из развороченного причала обломками конструкций. Он успел еще рассмотреть человеческую фигуру, выбитую в космос потоком воздуха – кажется, разгерметизация получилась качественная. Но что происходило дальше, понять было уже невозможно – руки аккуратно, как учили, шевельнули джойстик, и корвет послушно клюнул носом, заслонив картину ярко-желтым факелом выхлопа маневровых двигателей. Поехали!

Инстинкты орут: беги! Опыт требует: атакуй! Обыватель последует инстинкту, но здесь и сейчас за штурвалом сидел человек малость иного склада. Разворот…

– Куда… – пискнули из соседнего кресла и осеклись. Все правильно, что происходит, она тоже поняла. Не дура, чай, да и не с улицы человек. Возле Базы пришвартована куча звездолетов. Большая часть вооруженные транспорты, в бою с корветом не хищники, а жертвы, их команды все понимают и на рожон не полезут. Но есть и пара стареньких корветов, мало уступающих свежеугнанному. Теоретически мало уступающих – по факту их техническое состояние оставляет желать лучшего, однако их все же двое. А еще фрегат, старый, но хорошо вооруженный, и эсминец. Что тот, что другой способны раскатать беглецов в космическую пыль, и сидящему за штурвалов человеку этого очень не хотелось.

Руки скользнули по пульту, едва заметными движениями намечая цели. Фрегат, корветы, эсминец… На эсминце пальцы чуть дрогнули и после короткой, практически незаметной со стороны паузы коснулись ярлыка ближней связи. Привычно, без участия мозга, выбрали частоту и после еще одной, столь же короткой, паузы втопили кнопку вызова. Через мгновение в рубку корвета ворвался разноголосый мат, но человек не обратил на него внимания.

– Эй, конфедераты![1 - Роберт Эдвард Ли, генерал времен гражданской войны в США. Воевал на стороне Юга (Конфедерация).] Молчать и слушать!

– Ты что, придурок, сдурел? – завопили с той стороны, однако этот шквал возмущения был оставлен без внимания.

– Я сказал молчать и слушать. У вас минута, чтобы покинуть корабль, потом я взорву его к чертям. Выполнять!

В том, что приказ будет выполнен, он не сомневался ни на миг. Пираты – отнюдь не герои, которыми их так любят изображать в романах. И не эпические злодеи, во всяком случае, большинство. Как правило, это обычные грабители. Если их хорошенько прижать, драться могут и мужественно, и умело, однако в ситуации, когда есть возможность спасти шкуры, воспользуются благоприятным раскладом незамедлительно. Сбегут не задумываясь и не мучаясь угрызениями совести. Да и вообще, умеют нападать внезапно и лихо маневрировать, но воюют так себе. И совершенно не жаждут схватки с противником, способным на что-то большее, чем пара бессильных проклятий, а в особенности имеющим тактическое преимущество. Именно поэтому даже при не самых удачных раскладах корабли регулярного флота с четко поставленной целью и спаянным дисциплиной экипажем чаще всего побеждают.

Ровно минуту спустя орудийные башни корвета выплюнули порции высокотемпературной плазмы, изувечив борт эсминца. Еще через несколько секунд экзекуции подверглись остальные боевые корабли, после чего звездолет развернулся и ушел прочь, сопровождаемый заполнившими эфир проклятиями. Обстрел не был смертелен для пиратских кораблей, но такая цель и не ставилась. Главное, в погоню на них сейчас пуститься не получится. И пусть это, возможно, стало ошибкой, но убивать тех, с кем он не один год если не стоял плечом к плечу, то уж, во всяком случае, не раз пил в баре, человеку за пультом не хотелось.

Несколько секунд в рубке царило молчание, лишь порхали над пультом руки. Не так быстро, как у случайной напарницы, но куда более целенаправленно. И соответственно, результат их обладатель получил быстро. Затем он отстегнул ремни, пару раз глубоко вздохнул:

– Бери управление. Курс я задал.

– А… куда мы?

– За теми придурками, что нас здесь бросили.

– Какой смысл?

– Ты штурман? Нет? Я, представь себе, тоже. Единственный человек, хоть как-то разбирающийся в этом предмете, лежит в коридоре, и я даже не знаю, жив ли он. Без штурмана из системы не уйти, а оставаться здесь слишком опасно. Поэтому догонять их все равно придется. Все, руки на штурвал и не спи! Я понятия не имею, куда они подевались, но быстро им на своем корыте из системы не уйти. Поэтому обшарь окрестности, но эту лайбу мне найди!

То ли логика сказанного, то ли чистый, безо всякого акцента русский язык подействовали, и женщина, приняв управление, умничать не стала. Мужчина же встал из кресла, с видимым наслаждением потянулся и вышел в коридор. Чтобы в очередной (отнюдь не первый в жизни) раз убедиться: пренебрежение правилами техники безопасности весьма чреваты для здоровья.

Раненых в медотсек, где по всем правилам должен стоять диагност, естественно, никто не потащил. И пристегнуться к креслу согласно действующему регламенту, пассажиры тоже не захотели. Вместо этого женщина, похоже, вновь занялась пацаном. На взгляд мужчины, изрядно доставшему малолетнему истерику вообще нечего было делать на борту, а тут еще он послужил отвлекающим фактором…

В общем, если кратко, то в момент непривычного для летавшего только на гражданских кораблях человека ускорения женщину швырнуло на переборку. А та, вот зараза, сделана была из тонкого, но прочного листа отличного титана. Сейчас невольная пассажирка лежала без сознания, а на лбу ее красовалась внушительных размеров шишка идеального цвета. Именно такими оттенками пользуются художники-маринисты, рисуя океан. Угрозы жизни такая травма явно не представляла и была, может статься, даже полезна. Во-первых, отучит дуру игнорировать приказы, а во-вторых, обеспечит некоторое время относительного спокойствия.

Мальчишка сидел рядом и тихо поскуливал. Наорался сегодня уже, цинично подумал мужчина. Сил не осталось. Судя по перекошенному лицу и неестественно вывернутой руке, или вывих, или даже перелом он заработал. Ну и хрен бы с ним, от этого не умирают, во всяком случае, в ближнесрочной перспективе. Куда больше мужчину интересовали сейчас два других участника безобразия – травмы их он полноценно оценить пока не мог, а учитывая, что диагност на кораблях этого типа ставился один-единственный, не исключал вероятности проблемы. Если конкретно, того, что после ранений и маневров кем-то придется жертвовать, и решение принимать вот прямо сейчас. Неприятная перспектива. А ведь еще неизвестно, работает ли диагност.

Напарник дышал. Тяжело, с хрипами, но дышал. На груди пузырилась кровь – очевидно, пуля ухитрилась не только пропороть бронежилет, но и пробила легкое. Еще одна рана… Черт, позвоночнику тоже досталось, а потом еще перегрузки добавили. Как он вообще жив остался?

По сравнению с ним второй раненый выглядел неплохо. Точнее, раненая, небольшого роста, мелкокостная девица с восточными чертами лица. В нее пуля вообще попала одна-единственная. Плечо, конечно, разворотила качественно, сустав вдребезги, но… Жить будет. Даже инвалидом не останется, если вовремя начать лечение. Интересно, что там с диагностом?

Как ни странно, в медотсеке оснащение имелось штатное и комплектное. Даже не очень изношенное.

Да и вообще, судя по техническому состоянию корабля, большую часть своей жизни он простоял на консервации. И экран, засветившийся неярким белым светом, тут же подтвердил: оборудование, установленное здесь, в норме. Оставалось притащить пострадавших.

Напарник лежал в прозрачной чаше диагноста минут десять. Аппарат таинственно помаргивал лампами и злобно пищал, но вердикт в конце концов вынес: имеющимися в наличии средствами раненого спасти не получится. Жизнь-то, может, ему и сохранят, хотя здесь тоже без гарантии, но ходить сам он не сможет. Восстановление поврежденного спинного мозга за пределами возможностей мобильной, вдобавок порядком устаревшей и оттого весьма ограниченной в функционале установки. Рекомендация механического лекаря была однозначной: погрузить в анабиоз до момента, когда раненого можно будет передать в специализированную клинику. И чем раньше это удастся

сделать, тем лучше.

Что же, хочешь жить – не спорь с врачами. Недра анабиозной камеры гостеприимно распахнулись – и вот уже пациент скрылся в густом белом тумане. Все, дальше ничего интересного, аппаратура сама, без участия человека, погрузит раненого в глубокий псевдосон, а затем и вовсе отключит все процессы его организма. Останется лишь довезти его до госпиталя. Смешно – всего-то отвезти пирата в цивилизованный мир, а потом найти того, кто станет с ним возиться. Хотя… ничего невыполнимого, если честно. Сложно, но не более.

А тем временем место в диагносте заняла азиатка. Ее бы за борт выкинуть, но она же им помогла. Да и вообще, если мальчишку никчемного за собой тащил, то уж ей сам бог велел помочь. Ну, тут диагност разобрался быстро и погрузил девушку в сон, после чего запустил процесс регенерации. Пару дней пролежит. Все, остаются та женщина и пацан. У мальчишки вывих, который удалось вправить, у женщины, только-только пришедшей в себя, и вовсе синяки. Так что ей – примочку на лоб, пацану вправить (вывих все-таки, и не надо так орать) и зафиксировать руку, после чего бегом рвануть обратно в рубку.

Женщина в пилотском кресле уже немного освоилась. Все-таки как здорово действует на человека свобода! Расслабилась, откинулась на спинку и активно проверяет аппаратуру. Теоретически этим положено заниматься до старта, однако уж что получилось – то получилось. Движения четкие, уверенные – интересно, кто учил, папа или мама?

На шум женщина обернулась и широко распахнула глаза от удивления:

– Васька, ты, что ли?

– Ну, я, я. – Василий Камнеедов, он же Базиль Стоун, раздраженно стянувший в медотсеке успевшую вконец надоесть маску, растер ладонями горящее лицо. Аллергия, чтоб ее… – Кто ж еще узнает твой голос по одной неприличной фразе?

– Когда?..

– А в тот момент, когда вас гнали по коридору, и тебя прикладом по горбу отоварили. Могу обрадовать: голос у тебя по-прежнему звонкий, так что легкие не прокурены.

– И вот так сразу узнал? – недоверчиво спросила женщина, игнорировав шпильку насчет курения. Да и то сказать, она им баловалась только во время учебы, а потом сразу бросила. Да и вообще, кто из студентов не курил?

– Нет, но потом на всякий случай записи с камер посмотрел, – безразлично отозвался Камнеедов. Зуд вроде бы отступил, и настроение моментально улучшилось. – А там уж время понять, кто есть ху, было. Ты, конечно, изменилась, но не так уж сильно. И вот, я как те Чип и Дейл, спешу на помощь. Как всегда быстрый, дерзкий, как пуля резкий…

– Скорее уж, как понос.

– А тут уж у кого что болит – тот о том и говорит. Доброе… ага, уже утро. Значит, доброе утро, крошка, и добро пожаловать в реальность. Может, объяснишь мне, какого лешего тебя занесло в эти края?

– А тебя? – Изабелла Костина, его подруга детства, с которой они выросли на одной улице и дрались едва ли не чаще, чем потом вместе бегали на танцы, гордо вздернула изящный носик и, видимо для контраста, совсем не аристократически им шмыгнула. – Вот уж кого-кого, а тебя в этом месте встретить я меньше всего ожидала.

– Меня? – Камнеедов усмехнулся, криво и болезненно. – Меня жизнь.

– Ну а меня – работа.

– Что, твой суперважный институт решил устроить экспедицию и послать профессуру жир растрясать? А те не захотели свои толстые задницы из кресел вытаскивать и послали вечного мэ-нэ-эса[2 - Младший научный сотрудник.] разгребаться?

Изабелла скривилась – фраза, небрежно брошенная товарищем, попала точно в цель. Впрочем, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы сделать соответствующие выводы. Уж что-что, а институтскую кухню Васька себе неплохо представлял. Сам был профессорским сынком. Отец его, правда, работал в учреждении иного профиля, да и классом уступающего альма-матер Изабеллы, но вряд ли это имело принципиальное значение.

– Не он, военные. Меня прикомандировали в качестве эксперта…

– И как всегда что-то пошло не так. Дальше можешь не продолжать, – усмехнулся Камнеедов. Изабелла лишь печально вздохнула, поскольку возразить было нечего. Ее невезучесть ни для кого секретом не являлась. Вроде бы все делает, как надо, иной раз каждое движение у преподавателя копирует – а результата нет. Такое впечатление, что всю свою удачу она еще в детстве израсходовала…

А ведь много было ее, этой удачи. Достаточно сказать, что Изабеллу с сестрой, потерявших родителей, вывезли с захваченной исламистами планеты испанского сектора русские разведчики. Они же и стали их приемными родителями. Беспримерная удача – выжить, обрести семью вместо детского дома, да еще и переместиться с задворок мира в самый центр цивилизации. В Империю![3 - См. роман «Идущие на смерть».] Да за одно это кое-кто дьяволу бы душу продал.

Вот и росла она на планете Кирпич, став более русской, чем коренные имперцы. Но удача и вправду закончилась. И если у младшей сестры все складывалось более-менее гладко, без взлетов, но и без падений, то Изабеллы хватило лишь на то, чтобы получить образование и засесть в институте на минимальной должности. Шансов продвинуться у нее не было – не любят работать с неудачниками, способными походя завалить любое дело. А ее, молодую и горячую девчонку, это бесило! Неудивительно, что за шанс поучаствовать в экспедиции она ухватилась обеими руками.

И, похоже, зря.

Изабелла непроизвольно шмыгнула носом. Камнеедов, зараза толстокожая, лишь ухмыльнулся:

– Ничего, считай, удача к тебе возвращается.

– Почему?

– Потому что ты встретила меня. Согласись, такая вероятность убегающе мала, но ты свой счастливый билетик вытащила. И не реви мне тут – и без того сыро.

– Сыро?

– Ну да, корабль старый, на трубах конденсата полно… Х-ха! Купилась. Ну, все, улыбка есть, слезы вытираем и начинаем думать, как решить твою проблему. И не делай большие глаза – в конце концов, на то и существуют в этом долбаном мире друзья. Хотя, конечно, блестяще выстраивающуюся карьеру ты мне сломала… В общем, должна будешь.

Изабелла неопределенно хмыкнула и вновь склонилась над пультом. Камнеедов последовал ее примеру, хотя главное он и без того видел – корабль, на котором смылись беглецы, его знакомая уже засекла, курс на перехват проложила. Грамотно проложила, стоит отдать должное. Папа с мамой и впрямь расстарались, на совесть натаскав приемную дочь. И, пусть она даже выбрала мирную профессию, уроки даром не прошли и не забылись.

Спустя несколько минут цель стало можно наблюдать визуально. Факел маршевого двигателя на таком расстоянии затмевал далекие звезды. А жаль – в этой части галактики смотреть на них было одно удовольствие, и Камнеедов поймал себя на мысли, что все-таки никогда не станет настоящим профессионалом. Те на звезды смотрят, как на деталь пейзажа, абсолютно безразлично. Если, конечно, не занимаются в тот момент навигацией. А так – звезды и звезды, эка невидаль. Вот только Камнеедов все равно продолжал испытывать от их вида какой-то детский восторг. С годами он уменьшился, конечно, однако совсем не ушел. Такое вот свойство характера, сейчас ни капли не мешающее.

У беглецов была фора, небольшая, но по меркам жизни и смерти такие понятия весьма относительны. Впрочем, не в этот раз. Старенькая (да будь она даже новая – какая разница?) грузопассажирская лоханка не идет ни в какое сравнение с боевым кораблем. Совсем другая динамика ускорения, да и маневренность откровенно убогая. Корвет настигал их, словно волк оленя.

Рога у оленя имелись – такие корабли частенько вооружают легкими орудиями. Так, на всякий случай. Этот конкретный экземпляр по огневой мощи был вполне сравним с корветом. Так что рога имелись, а вот характера, готовности встать, упереться и драться – нет. Понятно теперь, почему Большой Али сумел его захватить, притом что его летающий гроб ничуть не сильнее. Один выстрел поперек курса – и корабль послушно заглушил двигатели. Вот и все как-то…

Глядя на то, как Василий борется с отчаянно упирающимся компьютером своего корабля, упорно пытающимся взять управление на себя, Изабелла поинтересовалась:

– Ты справишься?

– Я разбивал корабли и посовременнее. Ага, вот оно…

На сей раз компьютер лишь выругался, но лезть под руку не стал. Камнеедов перехватил взгляд Изабеллы и махнул рукой:

– Не бери в голову. Я на таких кораблях летал, только когда учился. Забыл уже многое.

– А чего-то и не знал, – не смогла удержаться от шпильки женщина.

– Чего-то и не знал, – Камнеедов не собирался спорить из-за ерунды. – Сейчас пришвартуемся – и я пойду к ним на борт. Задраишь люк – эти идиоты сдуру могут придумать что-нибудь глупое и самоубийственное. Осторожно, контакт!

Не управлял корветом он и вправду давно, однако притереть звездолет к шлюзу транспорта смог настолько мягко, что не мигни сигналом пульт, можно было бы и не заметить. И шлюз даже не был заблокирован! Впрочем, Камнеедов подстраховался и действовал по древнему, но по-прежнему актуальному принципу: заходим вдвоем – сначала граната, потом я. Так, на всякий случай, вдруг его ждет там кто-то с пулеметом наперевес.

Не ждали. Ни с пулеметом, ни с лучеметом, ни даже с примитивным револьвером. Грохнуло, бухнуло, а ошметков мяса на потолке и кишок на стенах Камнеедов не обнаружил. И, когда он шел к рубке корабля, никто не пытался его остановить. Хотя собрались все – их угрюмые морды четко говорили о том, насколько эти мозгоклюи недовольны ситуацией. Пожалуй, у них имелся какой-никакой шанс задавить Камнеедова толпой. Но – не рискнули. Не было среди них волков, одни бараны.

Дверь в рубку была не заперта, и за ней обнаружилась вполне ожидаемая картина – не первой молодости оборудование, какой-то бородатый жлоб,

изображающий, очевидно, пилота, и искомый штурман. К нему-то Камнеедов и обратился:

– Ну все, приехали. Встал и пошел.

– А если не пойду? – штурман, похоже, был единственным, кто не утратил присутствия духа. Вон, пилот в кресло вжался и сидит тихонечко, боясь привлечь внимание. Белый, как мел! Этот же, похоже, не боится, то ли осознает свою ценность, то ли просто сдвиг по фазе у него. Впрочем, большинство штурманов вообще с приветом, умение управляться с многомерностью высших измерений так просто не дается.

– Сделаю тебе больно, и побежишь сам, или просто оглушу и утащу, – без улыбки ответил Камнеедов. – Выбирай, что тебе ближе.

– А не боитесь, что заведу не туда?

– Не боюсь. Я не умею управлять кораблем в гипере, но уж проверить курс смогу. Ну что, есть еще вопросы, или прекращаем болтать и шлепаем к мамочке?

– Пожалуй, второе, – штурман с заметным усилием встал из кресла. – Ведите уж, что ли…

Уже на пути к шлюзу поперек дороги встали четверо мужчин. Судя по всему, те, кто преодолел страх. Камнеедов удивленно приподнял брови, одновременно кладя руку на кобуру.

– Ну?

– А с нами-то что будет? – мрачно спросил один из мужчин.

– С вами? – Камнеедов безразлично пожал плечами. – Мне как-то все равно… Хотя, думаю, ничего особенного. Гребите к планете. Там, конечно, помойка редкостная, но в открытую нарушать международные законы они не рискнут и пиратам вас не выдадут. А там уж сами крутитесь.

Корвет разгонялся легко. Он, конечно, рассчитан был всего на трех членов экипажа, но это больше относилось к количеству коек и системе жизнеобеспечения. Двигатели-то лишние телеса даже не заметили. С койками решили просто, использовав в качестве жилых помещений один из пустующих трюмов, а все остальное было спроектировано с немалым запасом. Все же предполагалось, что в экстренных случаях легкие корабли могут перевозить десантные группы, и резервы по жизнеобеспечению, равно как и возможность трансформации складских помещений, была заложена в конструкцию изначально. Хуже было с запасами продовольствия – их просто не загрузили, но для одного броска должно было хватить.

Пожалуй, больше всего Камнеедов злился теперь на то, что не догадался выпихнуть на борт транспорта прибившуюся к ним даму с ребенком. Ну, не до того было, забыл. Точнее, даже не подумал. Теперь эта самая дама постоянно нудела на тему того, что ей, женщине, да еще и волею судьбы оказавшейся в компании дитяти, надо бы помочь, да и вообще разместить не в трюме, а уступить одну из кают. Вот уж чего-чего, а делать это Камнеедов не собирался. Хотя бы потому, что боевые возможности корабля зависели от того, насколько качественно смог отдохнуть экипаж. Проще говоря, от комфортного размещения этого экипажа. Изабелла в данном вопросе его негласно поддерживала – во всяком случае, каюту отдавать не собиралась. Однако женщина не оставляла своих попыток, демонстрируя изрядную настойчивость и удивляя, насколько могут меняться люди. Во время бегства не истерила, мальчишку тащила, а это требовало храбрости… Но вот все успокоилось – и появилось нудное сорокалетнее нечто. Воистину в каждом человеке живет несколько личностей…

Штурман вел себя спокойно. Все же он не был идиотом и не пытался выражать претензии. Да и потом, боевой корабль, под завязку загруженный оружием и с неплохими даже по нынешним меркам двигателями, предпочтительнее транспорта. Того и перехватить могут, а вот с корветом такое провернуть тяжелее. Да и гарантии того, что его доставят до цивилизованных миров, где позволят идти на все четыре стороны, что-то значили. Правда, в качестве гарантии выступало обещание, а слова к делу не пришьешь, но русские в таких делах были щепетильны, это относилось к знаниям общего порядка.

Жаль только, до границ Империи так запросто было не добраться – расстояние и особенности космической навигации вносили в планы свои коррективы. Впрочем, это не более чем вопрос времени, топлива на корабле под завязку. А потому штурман занимался прокладкой курса, Изабелла в пилотском кресле его

тщательно контролировала, а Камнеедов, вколов стимулятор, полдня проторчал в машинном отделении корвета, пытаясь определиться, чего можно ожидать от звездолета.

Как оказалось, немалого – двигатели были в очень приличном состоянии, и даже прошивка на электронике стояла родная. Это очень радовало – не будет сюрпризов, а то после изменений, которые вносят иной раз «умельцы» деревенского разлива в попытках выжать еще хоть капельку мощности, двигатели порой загибаются успешнее, чем от попадания вражеской ракеты. Так что в рубку он вернулся усталым, но довольным.

К тому моменту корвет уже лег на курс прыжка. Довольно короткого и ведущего не совсем туда, куда хотелось бы, но, увы, таланты их штурмана были невеликими. Увы и ах, кому-то дано гонять через многомерность линкоры на десятки парсек, а кому-то и к соседней звезде каботажник провести уже тяжко. Сейчас, конечно, расклады не были столь печальными, но и радужными не выглядели. Камнеедова они устраивали только за неимением лучшего.

Вооружившись кружкой с кофе, он брякнулся в резервное кресло. Рубка корвета – помещение небольшое, но для троих места хватало. Полюбовался на то, как штурман готовится к переходу, усмехнулся:

– Да не волнуйтесь вы так. Два прыжка – и свободны.

– Два? – штурман удивленно обернулся.

– Ну да, два. Этот и еще один, куда именно я укажу. Серый Кардинал – та еще дыра, и в качестве конечной точки он меня совершенно не устраивает. Да и вам, я думаю, подойдет более комфортное место.

Действительно, Серый Кардинал был не самым лучшим местом в космосе. Когда-то планета считалась перспективной, будущим политическим центром сектора, отсюда и название, вот только расклады изменились. В результате вместо процветающего центра цивилизации получилась даже не задница мира, а самый анус, даже с дыркой посередине. Черной. И ловить там было совершенно нечего. Такой же пиратский порт, как Новая Мексика, разве что людей больше, а порядка меньше.

Зато через эту систему можно было даже с их штурманом в два счета добраться до полудюжины обитаемых и куда более цивилизованных миров, один из которых был Камнеедову сейчас нужен как воздух. Так что вперед и с песней! Так он и объяснил собравшимся. Штурман кивнул и не стал задавать лишних вопросов. Вместо этого встал и отправился подкрепиться – для него грядущие девять часов грозили стать непрерывной бессонной вахтой. Штурман классом повыше настроился бы сразу, а ему небось курс придется корректировать через каждые полчаса, если не чаще. Впрочем, его проблемы, и Камнеедова они сейчас волновали в последнюю очередь.

Дождавшись, когда за штурманом захлопнулась дверь, Изабелла поинтересовалась:

– Ты торопишься из-за своего друга?

– И из-за него тоже, – согласно кивнул Камнеедов. – Не то чтобы тороплюсь, но здесь весьма слабая анабиозная камера, поэтому лучше не тянуть.

– А кто он? Тоже из… наших?

– Нет, он родился и большую часть жизни прожил в Альянсе.

– Почему же он решил помочь тебе?

– Почему? Наверное, потому, что когда-то двум солдатам не захотелось убивать друг друга…

Воспоминания нахлынули тяжелой, дурно пахнущей волной. Мертвая планета, на орбите которой сошлись интересы двух великих держав, и их лучшие пешки насмерть рубились друг с другом. Тяготение в полтора раза сильнее земного. Атмосфера из смеси ксенона, аргона и гелия. Крохотное, похожее на злобный глаз, белое солнце в небе.

Ослепительно красивые рассветы и закаты. Сбитый крейсер Альянса, распластавшийся на сверкающих хрусталем, состоящих из громадных кристаллов чистейшего кварца скалах. Имперский фрегат, воткнувшийся в черную, спекшуюся почву. И два человека с лучеметами в руках, замершие в

паре метров друг от друга.

Они тогда смогли удержать пальцы на спусковых крючках и не выстрелить. Вместе починить искореженный бот, выйти на орбиту и подать сигнал бедствия. В одиночку ни один не смог бы, вдвоем – справились. И обоим эта совместная работа тогда стоила карьеры. Американцу – просто за сам факт сотрудничества с врагом, тогда в Альянсе в очередной раз правили бал параноики, а имперцу – за отказ от мнемоскопирования. Гордый был, оскорбился недоверием… Может, и зря. Впрочем, распространяться об этом он не собирался. Пускай Изабелла двадцать раз подруга юности, есть вещи, которые ей не стоит рассказывать.

Она, впрочем, и не настаивала. Умная все же, да и жизнью ученная. Вместо этого она спросила:

– А почему ты сказал тем людям, что на планете им ничего не грозит? Если здесь серая зона, то пираты вполне могут контачить с властями Новой Мексики.

– Не могут, а контачат. Но выдать не рискнут. С вероятностью близкой к ста процентов это станет известно, и пойдет свистопляска.

– Что пойдет? – не поняла Изабелла.

– Башку им оторвут, вот что.

– Но… как они узнают?

– Да просто. Существование Базы – секрет Полишинеля. Все, кому интересно, о ней знают.

Так оно, в принципе, и обстояло. Внешнюю политику Российской империи во всех подробностях можно было описать старым анекдотом:

– Зачем тебе такая большая и страшная собака?

– Чтобы не бояться гулять по страшным темным переулкам.

– А зачем ты ходишь по страшным темным переулкам?

– Как зачем? Я там собаку выгуливаю.

Парадокс в том, что это относилось ко всем более-менее значимым государствам. Все держали флоты и армии, разрабатывали новые системы вооружений, и все для того, дабы без оглядки на других делать, что хотят. Пока что ни у кого это не получилось, но они упорно не теряли надежды.

И, разумеется, вели разведку. Все – и за всеми.

В такой ситуации сохранить в тайне что-то значимое достаточно сложно. Большие государства, обладающие соответствующими возможностями, умеют хранить секреты, но у пиратов совершенно другой уровень. И скрыться от вездесущих глаз серьезной разведки они попросту не в состоянии. Практически все крупные пиратские гнезда известны, и на той же Новой Мексике агентуры наверняка куча. Изабелла, кстати, об этом тоже знала, просто, как и положено уважающей себя женщине, забыла. И, ничуть не устыдившись этого, спросила:

– Но почему эту вашу Базу не прихлопнут, если о ее местонахождении всем известно?

– Почему? – Камнеедов в приступе легкой задумчивости потер переносицу. – На то достаточно причин, и первая, хотя и не самая важная, законы. Понимаешь, законы международные – они, как бы мягче сказать, довольно расплывчаты. И привлечь по ним пирата не то чтобы нельзя – просто геморройно. И хороший адвокат всегда сумеет доказать, что вон тот головорез с автоматом на самом деле мирный любитель цветочков. А его ствол – чтоб от бабочек отмахиваться. Поэтому если есть возможность сделать работу без огласки, то пиратские корабли «гасят» сразу и наглухо, а если нет, то предпочитают не связываться.

– Все так плохо?

– Да нет, разумеется. Альянс, китайцы, Российская империя – все эти государства, в отличие от той же Европейской ассоциации, без проблем кладут на международные законы свой толстый инструмент. Смачно кладут, я бы сказал. Но у Альянса в этой дыре просто нет дел, русских трогать боятся, и им нет причин вмешиваться, а китайцы сами что-то с пиратами крутят. Имел возможность убедиться, да…

– А еще какие причины?

– Ну, как вариант, тот факт, что проще иметь дело со сбродом, хоть как-то управляемым и контролируемым, чем с разномастными шайками, которые шарахаются где попало и гадят на каждом шагу. Опять же, сама База имеет юридически четкую принадлежность ко вполне себе признанной стране, и ее хозяева формально ничем предосудительным не занимаются. Ремонт двигателей и передержка грузов – всего лишь бизнес. В общем, пока пираты не зарываются и ущерб невелик, Базу никто не тронет.

– А как ты на нее попал?

– Долгая история. И маловажная.

Распространяться обо всех нюансах своих похождений он не собирался, и Изабелла это поняла. Вздохнула и пробормотала:

– Честно говоря, представляю, как тебе было тяжело.

– Да знаешь, не очень. Скорее, наоборот, просто было. Здесь ведь, как ни крути, нравы простые. И врагу ты запросто дашь в морду или просто его пристрелишь, а не будешь оглядываться на закон.

– Прости, я тебе не верю, – Изабелла цинично усмехнулась. – Врешь ты все. У пиратов закон и порядок поддерживаются не менее эффективно, чем у любого государства.

– Откуда такие познания в пиратах? – вернул ей усмешку Камнеедов. – Из книжек?

– А ты вспомни, кто мои папа с мамой.

– А-а. Тогда скажу тебе сразу. Все зависит от того, на какой ступени пищевой цепочки ты находишься.

– И где сидел именно ты?

– Я? Знаешь, на этой Базе имелась четкая иерархия, – Камнеедов вспомнил старинную книгу, усмехнулся, насколько она подходит под нынешние расклады. – Одни боялись Хромого, другие Большого Али, третьи Дядю Сэма… Там, в общем-то, хватало тех, кого и впрямь стоило опасаться. Все без исключения боялись Смотрящего. А меня боялся Смотрящий. Просто не афишировал этого. И правильно делал.

– Правильно, что боялся, или что не афишировал?

– И то, и другое. Вот, как-то так. Я был, по неофициальному табелю о рангах, самым опасным человеком на Базе. Подготовка, знаешь ли, позволяла… Кстати, ваши младшенькие как?

Изабелла пожала плечами. Все же, в отличие от младшей сестры, когда она попала на Кирпич, она уже была отнюдь не младенцем. Приемная семья так и не стала ей окончательно родной, и родители это прекрасно понимали. Так что их собственных детей она родственниками не воспринимала, хотя и поддерживала с ними отношения. В момент, когда она отправилась в этот полет, все было нормально. Так она и сказала.

Камнеедов хотел спросить что-то еще, но в этот момент их прервали. Вошел штурман, плюхнулся в свое кресло, и Камнеедов махнул Изабелле рукой – иди, мол, отдыхай. Он-то все равно, пока не закончится действие стимулятора, хрен заснет. А вот потом – свалится, так что пускай Изабелла отдохнет, а потом хоть ненамного его подменит.

Система желтого карлика, вокруг которого вращался Серый Кардинал, была ничем не примечательна. Собственно, человечество вышло из почти такой же. И единственная обитаемая планета весьма напоминала Землю. Технически здесь можно и на связь с Империей выйти, и с ранеными проблему решить, но Камнеедову в его нынешнем статусе совершенно не хотелось с кем-то контачить без крайней необходимости. Да и нарваться здесь можно было запросто. Не на коллег по незаконному промыслу, так на болячку какую-нибудь. Все же на планете, обслуживающей пиратов и контрабандистов, можно нарваться на любую экзотику. И хорошо еще, если это будет какая-то безобидная шутка вроде той, что учинил в свое время один умник на приснопамятной Новой Мексике. Скрестил, понимаешь, вошь лобковую со светлячком, генетик недорезанный.

Гибрид оказался живучим, распространился быстро, а бабы с этой планеты на Базе гостями были частыми. Снимаешь с такой трусы, а там – Лас-Вегас. Кто сказал, что здесь не будет чего похлеще? В общем, не самые спокойные места, а потому корвет практически сразу лег на новый курс. Теперь целью его стала планета Большая Ларнака.

На борту царило что-то вроде идиллии. Пассажиры наконец успокоились и дрыхли. Штурман тоже, пользуясь моментом, набирался сил. Зато по коридору слонялось привидение – та самая азиатка, что оказалась на борту при бегстве с Базы. Выбралась из медотсека и теперь ходила как неприкаянная. Рука на перевязи – регенерация тканей завершена, но до окончательной стабилизации ее надо хотя бы пару дней не тревожить. Одета в халат, потому как с одеждой вообще была проблема, а на ее размер не нашлось вовсе. Халат тоже оказался велик и волочился по полу… В общем, привидение привидением. А так как она выбралась самостоятельно, благо регенератор, закончив работу, попросту открыл крышку, выпуская пациентку, то появление ее оказалось неожиданностью. Камнеедов, первым столкнувшийся с ней в полутемном коридоре, аж подпрыгнул, причем не фигурально, а вполне буквально.

Впрочем, за это рефлекторное движение он тут же реабилитировался – имперского десантника, пускай и бывшего, так просто не испугаешь. Вот только реабилитация не обошлась без казуса.

Попросту говоря, Камнеедов схватил «привидение» за шиворот, резко дернул вверх и встряхнул, намереваясь грозно рыкнуть. Увы, последнее действие реализовать он не успел. Халат, размеров на десять больше, чем нужно, остался у него в руке, а содержимое одежды попросту выскользнуло, приземлившись на покрытый мягким пластиком пол с характерным шлепком.

Следующим этапом стал визг, такой звонкий, что поневоле рождалась мысль о наличии у его хозяйки неплохих вокальных данных. Которые, правда, требовалось еще развить – звук был неплох по громкости, но мелодичностью не страдал. Из полуоткрытой двери рубки высунулась Изабелла. Моментально оценила ситуацию, демонстративно покрутила у виска пальцем, отобрала у мужчины халат и закутала в него девчонку. Смысла в этом, на взгляд Камнеедова, не было абсолютно. Хотя бы потому, что там смотреть не на что. Впрочем, свое мнение он благоразумно держал при себе – Изабелла с юности отличалась взрывным характером, и ссориться с ней из-за ерунды, просто ляпнув что-то, не хотелось.

Полчаса спустя они сидели в кают-компании, и старшее поколение сочувственно наблюдало, как пассажирка набивает живот. Все правильно, регенератор – штука хорошая, но резервы организма вычерпывает качественно. Особенно старые модели, вроде той, что стоит на их корабле. И у девчонки наверняка живот к позвоночнику прилип. Одно радовало, в отличие от обычного голодания, после которого требовались диеты и воздержанность, в их случае ограничений по количеству и виду пищи отсутствовали.

Так что Изабелла разгружала холодильник, девчонка буквально сметала выставленную на стол еду, а Камнеедов с интересом думал, что если сложить объем съеденного и изменение талии, результаты кореллироваться не будут совершенно. Наверное, у нее там небольшая черная дыра, глотающая все и без остатка. А уж оценить возможность была – Изабелла отыскала где-то набор сменного белья, и переодетая в футболку и шорты девчонка уже не боялась из них вывалиться. Хотя, конечно, все равно одежда висела на ней мешок-мешком.

Терпения у Камнеедова хватало. Наверное, главным умением, которое он освоил за время службы, являлась готовность спокойно и невозмутимо ждать. Единственно, пришлось рыкнуть на штурмана, который хотел было присоединиться к их компании, но это не со зла, а, так сказать, по работе. Штурман не обиделся, просто убравшись в свою каюту – понимал, что его положение в экипаже не то чтобы особо важное, и права голоса не дающее. Ну а девчонка просто стала есть еще быстрее. И лишь когда она, устало пыхтя, отодвинула тарелку, Камнеедов негромко, но тоном, не оставляющим сомнений в его праве задавать вопросы, произнес:

– Ну давай, панда, рассказывай, как ты дошла до жизни такой.

– Почему панда? – глаза девушки на миг стали почти европейского размера.

– Глаза узкие – значит, Китай. Если Китай – то панда, – озвучил краткую цепочку ассоциаций Камнеедов.

– Я не китаянка, а японка! – в голосе азиатки на этот раз звучало неподдельное возмущение.

– Да по мне хоть корейка, я в сортах г… диких азиатов не разбираюсь.

Девчонка смолчала, что было плюсом ее умственным способностям и доказательством того, что с ней можно иметь дело. Зато вмешалась Изабелла, которая решительно отобрала у Камнеедова флягу с коньяком, к которой тот прикладывался, мотивировав это тем, что он и без того уже синий. А почему бы и нет, кстати? Настроение соответствующее… И вообще, мужчина может быть сколь угодно синим, главное, чтобы не голубым. Японка смотрела на их перепалку, широко раскрыв от удивления глаза. А потом рассказала свою историю, в которой не оказалось, к слову, ничего особенного, кроме разве что концовки.

Ее звали Огава Кими[4 - Огава – фамилия, перевод – маленькая река. Кими – имя, перевод – честный, благородный. В японском языке фамилия ставится перед именем.]. Было ей четырнадцать лет, и до двенадцати она жила с родителями на Токио-4. Аккурат до того момента, когда лайнер, на котором ее отец служил вторым помощником капитана, встретился с пиратским кораблем. Вот так и получилось, что поездка, которую отец ей организовал в качестве награды за отличное окончание учебного года, круто развернула ее судьбу.

Вообще, перехватить круизный лайнер не так-то просто. Мощные двигатели обеспечивают летающим дворцам запредельное ускорение, и примитивному мелкому пирату его не догнать. Если же это даже каким-то чудом удастся, то неизвестно еще, кому повезет. Тяжелого вооружения на лайнеры, как правило, не ставят, но и беззащитными корабли такого класса не назовешь. Изначально практически все скоростные звездолеты большого тоннажа строят с учетом возможности использования в качестве войсковых транспортов, а то и вспомогательных крейсеров. И владельцы их чаще всего устанавливают часть орудий сразу же – дополнительная страховка на случай неприятностей лишней не бывает. Так что обычный пират с «Асукой», кораблем не новым, но вполне современным, и связываться бы не стал. Но – увы, не повезло, потому как пират был не совсем обычным.

За несколько лет до этой судьбоносной для пассажиров лайнера встречи в секторе бушевала война. Ну, как война… По масштабам Империи – эпическая битва за избушку лесника, в которой две планеты, обе колонизированные выходцами с Ближнего Востока, сцепились в драке за богатый ресурсами пояс астероидов. И, как это порой случается, в драку влезла третья сила. Если конкретно, Альянс, в котором решили, что месторождения трансурановых элементов ему нужнее, а местные пускай будут довольны уже тем, что остались живы.

Вообще, для Альянса подобный ход мыслей скорее норма, чем исключение, и окружающим к этому стоило бы привыкнуть. И ничего особенного в таком подходе нет – случается, та же Империя, да и европейцы с китайцами действуют совершенно аналогично. Вот только в данном конкретном случае участники конфликта почему-то возмутились вмешательством в их дела и, позабыв разногласия, с редкостным единодушием послали Альянс куда подальше. В меру сил, конечно.

Альянс послал решить вопрос одну-единственную эскадру. Численно флоты обороняющихся в сумме превосходили их в полтора раза, но не все решается голыми цифрами. Корабли арабов были старше на два поколения, да и сами они воины так себе. Всемером одного не боятся, конечно, но этим их достоинства исчерпываются. Что американцы и доказали, размазав их в тонкий блин. Не всех.

Те арабы, у которых хватило ума сообразить, что происходит, свалили еще до начала сражения. А так как возвращаться домой им было теперь противопоказано (забьют камнями, ироды), то создали они собственную пиратскую эскадру. На один из кораблей этой эскадры и нарвался лайнер. А против крейсера, даже старого, его вооружение не плясало, да и скорости маловато было. Догнали, обездвижили, взяли на абордаж… Правда, экипаж и часть пассажиров оказали сопротивление, но их перебили, быстро и без особых затей. Ну а корабль, его груз и пассажиры стали законной добычей победителей.

Большой Али (тогда еще, кстати, вполне худенький) был сменным штурманом крейсера «Падишах», и ему доверили перегон трофея. Но, как это иной раз случается, история получила внезапное продолжение. По пути им встретился линейный крейсер «Адмирал Лафкрафт», принадлежащий военно-космическим силам королевства Темных миров. Темных не в плане злодейских, а просто сектор, в котором оно располагалось, отличался звездами сравнительно низкой активности, из-за чего большинство обитаемых планет имели чрезмерно суровый климат.

Молодое, образованное меньше двух десятилетий назад государство, на международном уровне признавали далеко не все. Впрочем, его руководителей данное обстоятельство мало волновало. Королевство было одним из ближайших союзников Российской Империи[5 - См. роман Space Quest.], а это перевешивало мнение остальных. Ну и, в силу молодости и самоуверенности, королевство вдобавок отличалось решительностью и наплевательским отношением к вопросам международного права. Даже на мнение Альянса плевало, пусть не

всегда и с оглядкой на Империю. Так что заморачиваться с законностью происходящего, правами человека и прочими адвокатами командир звездолета-гиганта не стал. Вместо этого он просто и безыскусно отсалютовал «Падишаху» из всего бортового вооружения в упор, сократив поголовье пиратов разом на две сотни пустых тыкв. При таком соотношении сил шансов у них не было даже теоретически.

Ну а Большой Али, проявив редкостную предусмотрительность, под шумок свалил, пустившись в свободное плаванье. За лайнером гнались, конечно, однако штурманом он был действительно классным. Не разогнавшись толком, ушел в гипер под носом у крейсера, провел корабль сквозь возникшие при этом многомерные возмущения, и ушел. Через месяц он прибился к Базе, где с выгодой продал груз и рабов, да и прижился там. А Кими осталась при нем – больших денег за девчонку все равно никто не даст, а польза имелась. В свое время в школе ее, как и многих девочек из достойных, но небогатых семей, выучили кое-каким полезным вещам. Например, массажу. И Али понравилось, как она его делала.

Вот только девчонке в плену почему-то не нравилось, и варианты побега она искала с истинно-восточным терпением и упорством. А потому, услышав разговор Большого Али со Смитом Тринадцатым, наблюдать за пленными стала незамедлительно. Рассудила, что за ними Империя и впрямь придет. Оказалось – угадала, только вот успела в последний момент. Хотя это оказалось к лучшему – вовремя свет вырубила, и тем самым помогла беглецам спастись.

Ну а русские долги отдают всегда, поэтому мысли о том, чтобы выбросить ее за борт, у Камнеедова даже не возникло. Вместо этого он пообещал, что доставит Кими на какой-нибудь из цивилизованных миров, с которого она сможет вернуться домой, и на том успокоился. Единственной проблемой оставалось место, которого на корвете не хватало катастрофически. Не в трюм же ее запихивать… Тем более, там постояльцы уже имелись. Но тут на помощь пришла Изабелла, разместив японку на верхней полке в своей каюте, и тем самым вопрос был исчерпан.

Занявший почти двое суток разгон и вход в гипер прошли штатно, но дальше возникли серьезные проблемы. Эти места вообще были достаточно сложны для навигации, большое количество некрупных звезд на малых по космическим меркам расстояниях друг от друга, вносили такое количество возмущений, что

прыжок, даже сравнительно небольшой, превращался в настоящее испытание. Когда же у вас откровенно слабый штурман… В общем, не стоит о грустном.

Примерно на второй трети прыжка звездолет начало буквально выдавливать из многомерности. Гиперпространство не прощает ошибок, не зря же с ним не может справиться без помощи человека ни один, даже самый мощный компьютер. А сейчас оно выдало сразу полтора десятка измерений, и, проводя сквозь эту паутину корвет, штурман ни на секунду не мог отвлечься. Стандартная практика, при которой трасса «рубилась» на куски с корректировкой через каждые несколько часов, не срабатывала и, к тому моменту, когда сложное состояние многомерности переросло в настоящий гиперпространственный шторм, незадачливый штурман едва держался на ногах, а его комбинезон насквозь пропитался едким, вонючим потом. В общем, единственное, что он смог, это вывести корабль поблизости от ближайшей звезды.

Неприятная ситуация, нештатная, но при этом далеко не аварийная.

Хуже было другое. Угнанный корвет с самого начала не имел полной загрузки по топливу и продовольствию, из-за чего сейчас возникла настоящая проблема. Провизии оставалось на три дня, и то при условии строгой экономии, а топлива – на один прыжок. Если случится еще что-то – а при нестабильном состоянии гипера, который неизвестно когда успокоится, такое «если что-то» очень вероятно – вляпаться можно качественно. Кораблю требовались бункеровка и пополнение запасов провизии. Хорошо еще, что деньги имелись – предусмотрительный Камнеедов ушел не с пустыми карманами, и на какое-то время средств должно было хватить. А потому они, воспользовавшись наличием в системе обитаемой планеты, немедленно двинулись к ней. Хотя Камнеедов к Гее относился предвзято, но выбора особого не оставалось, да и, по слухам, дела там велись честно, хоть и весьма своеобразно. Разве что имперцев не любили, однако трясти налево и направо своим происхождением он не собирался.

Космодром оказался чистеньким, ухоженным, хотя, на взгляд профессионала, не слишком функциональным. Зато с высоты птичьего полета смотрелся здорово. Такое впечатление, тот, кто его проектировал, больше сил вкладывал в дизайнерские изыски и подбор цветовой гаммы, чем в удобство посадки, старта и обслуживания кораблей. Хотя, возможно, к нему просто стоило привыкнуть.

Привыкать Камнеедов не собирался, с него хватило и того факта, что корабль он посадил чисто и мягко, как перышко. Изабелла, ему ассистировавшая, даже в ладоши хлопнула. Три раза. Демонстративно. Еще бы – сама хотела, она вообще с детства обожала летать, и не зря была чемпионом города в гонках на ботах атмосферного класса. Однако к штурвалу ее Камнеедов решительно не пустил. Все же любительские права и штурвал боевого звездолета не всегда сочетаются. Пускай даже ее папа с мамой учили. Мало ли, напортачит, а лишний раз общаться с местными не хотелось совершенно.

Он бы вообще предпочел не спускаться, и на большинстве развитых планет имел бы возможность это сделать. Только вот на Гее орбитального терминала предусмотрено не было. Крепости, причем автоматические, имелись, аж четыре штуки, а вот терминала не построили. Видите ли, сочли его неэстетичным. Вот и пришлось садиться, аккуратно и с ювелирной точностью проводя корабль через игольное ушко посадочного коридора. Хорошо еще, выделили ему место для посадки в заштатном космопорту маленького городка – наверное, чтобы местных не нервировать.

Положа руку на сердце, внизу проблем не намечалось. Узнав, что экипаж в город выходить не планирует, его устраивает, если заказ доставят на борт, и платежеспособность клиента вполне достаточная, диспетчер просто отметил время открытия стартового коридора (учитывая крайне низкую загруженность пространства, могли бы обойтись и без этого, причем за исполнением графика эти умники следили весьма строго) и фальшиво-приветливым тоном пожелал хорошего вечера. Заказанное доставили быстро, загрузили тоже моментально, и Камнеедов, прикинув, что до взлета остается еще немало времени, отправился спать.

Разбудил его отчаянный стук в дверь каюты. На кораблях классом повыше занятие это было бы абсолютно бесполезным, звукоизоляция там приличная, но корветы всегда старались облегчить и удешевить. Оно и неудивительно. Серьезные державы строят линкоры и авианосцы для того, чтобы оперативно доставить свою политику в любую точку на карте. Посему корабли эти могучие, дорогие и сравнительно немногочисленные. Корветы же, фрегаты и прочие эсминцы – совсем другой коленкор. Задачи у них попроще, но и разнообразней, поэтому надо таких корабликов много. Даже очень много. Вот и строили их партиями в сотни единиц, и в результате даже незначительное снижение цены приводило к большому выигрышу. Но порой это оборачивалось и неудобствами, как сейчас, например.

– Кого еще черти принесли? – с этими словами Камнеедов открыл дверь каюты и нос к носу столкнулся с пассажиркой. – Мари, вам что, делать нечего?

– Капитан, помогите…

– Капитан? Гм…

Честно говоря, капитаном он не мог быть. И потому, что базовая подготовка десантника позволяла разбираться во всех системах корабля и тактике их применения, но так себе, поверхностно. По принципу «мало ли на что нарвешься». Разумно, но для командования боевым звездолетом совершенно недостаточно. А во-вторых, он не был штурманом. Не хватало способностей, они у этой братии весьма специфические. Командиром же стать мог только штурман, это аксиома. Какой же ты капитан, если не можешь провести звездолет из точки А в точку Б? Каков твой авторитет у экипажа будет? Вот то-то. Но, с другой стороны, они сейчас не относились ни к какому государству, а пираты и контрабандисты правил не слишком придерживались. У них тоже командовали, как правило, выходцы из штурманов, жизнь и здравый смысл заставляли, но и исключения тоже встречались. Ладно, будем считать себя исключительными, подумал Камнеедов, и поинтересовался:

– Что случилось-то?

– Капитан, помогите, с Клаусом беда…

– С каким опять Клаусом? – недовольно поморщился Камнеедов, но тут же вспомнил, что так звали вывезенного с Базы мальчишку. Едва удержался от того, чтобы сплюнуть, и поинтересовался: – Что он опять натворил? Замкнул провода или отстрелил ракету?

– Нет, его забрали…

– Забрали? – удивленно поднял брови самозваный капитан.

– Похитили…

– С запертого корабля? Вы в своем уме?

Как оказалось, вполне в своем, и на этот раз женщина сумела его разозлить. Несмотря на прямой и не допускающий иных толкований приказ сидеть по каютам и с корабля ни ногой, она решила прогулять малыша. Не такого и малыша уже, кстати. Мол, ему свежий воздух нужен. Поначалу все шло нормально, однако стоило ей буквально на секунду отвернуться, как мальчишку увели какие-то люди. И администрация космодрома даже не попыталась решить вопрос с его исчезновением. После этого она и бросилась к Камнеедову. Небось, рассчитывала, что капитан все разрулит. Идиотка!

Василий несколько раз глубоко вдохнул, приводя в порядок нервы. Потом решил, что нет худа без добра, а значит, перед ним отличная возможность избавиться от всем мешающего (а как иначе назвать ребенка, который абсолютно неуправляем, лезет во все щели и доставляет кучу хлопот) пассажира. А потому он махнул рукой и честно сказал:

– Идите, отдыхайте. Ничего тут уже не сделаешь.

– То есть? – не поняла его Мари.

– То есть Клаус пропал с концами. Ну что же, хвала Великому Космосу, мы от него наконец отделались.

– То есть? – вновь не поняла его женщина. Надо сказать, в таких ситуациях реплики у нее становились на редкость однообразными.

– То есть мы его больше не увидим, – отозвался Камнеедов, поворачиваясь к кровати и оценивая, насколько она располагает к продолжению отдыха. Предварительно выходило, что весьма и весьма, как ляжешь – так сразу и заснешь. Что он и сделал – подошел и брякнулся, устало смежив веки. – Если у вас все, то я, с вашего разрешения, посплю. Все же на ногах двое суток, а через три часа моя очередь на вахту заступать. Дверь закройте только…

– То есть как это больше не увидим?

Камнеедов с кряхтением вновь повернулся к ней лицом и соизволил вновь открыть глаза. Потом так же с кряхтением сел. Увы, спина ощутимо ныла, и до того, как они доберутся до нормального медицинского оборудования, будет ныть. Все же их диагност и впрямь чересчур старый. Даже более старый, чем

полученная в свое время травма.

– Скажите, вы в администрацию космодрома обращались?

– Ну… да.

– И вам задали один-единственный вопрос – являетесь ли вы членом Сообщества Радужной Культуры. Вы ответили, что нет, после чего с вами перестали разговаривать. Я прав?

– Абсолютно точно. Относились, как к предмету мебели. Но при чем тут…

– Наберитесь терпения. Скажите, как вы к этому Сообществу относитесь? Сами или, может, правительство? Я, видите ли, не вполне владею ситуацией в вашем долбаном Альянсе, тем более что она меняется каждые четыре года.

– Ну… безразлично. У нас оно есть, но большой роли не играет. Разве что любит устраивать акции, парады. Смешные они.

– Встречал я теорию, что когда членов этого сообщества в государстве становится чрезмерно много, страна умирает. Впрочем, не будем гадать. Да и неважно это сейчас. У вас к ним относятся терпимо. Я читал, одно время даже чересчур терпимо было, но вы вовремя одумались. В Империи их положено вешать за шею и оставлять так до тех пор, пока тело не перестанет подавать признаки жизни. В Европейской ассоциации к ним лояльны, а зря. Пример того, чем подобная толерантность может закончиться, перед вами. На этой планете Сообщество пришло к власти. И первое, что они сделали, на законодательном уровне ограничили в правах всех остальных. Тот, кто не разделяет их ценности, имеет только обязанности, в первую очередь работать и платить налоги. Так что натуралам здесь несладко. Заметили – даже наш штурман не пытается покинуть корабль и остаться здесь. Ибо – не дурак.

– Но при чем тут…

– Вы второй раз пытаетесь задать один и тот же вопрос, – укоризненно посмотрел на нее Камнеедов. – Говорю же, наберитесь терпения. Дело в том, что мальчишка, оказавшись снаружи, моментально попал под юрисдикцию планеты.

А любого ребенка из семьи натуралов они имеют право изымать по решению чиновника низшего ранга. Если просто, он понравился какому-то извращенцу, тот свистнул или полисмена, или просто служащего космопорта, они оформили бумагу, и все, пацана забрали. Так что можете радоваться, от малолетнего педика вы избавились.

– Он нормальный!

– Думаю, вечером это изменится. Если уже не изменилось.

– И вы так спокойно об этом говорите?

– Разумеется. Во-первых, я все равно не могу ничего поделать, а во-вторых, вы сами виноваты.

– Я?!

– Ну а кто, я, что ли? Вам было сказано сидеть на корабле – так какого хрена вы его выпустили? Ребенку нужен свежий воздух и все такое? Ну, теперь у него этого воздуха хоть задницей ешь.

– Вы нас не предупредили!

– А зачем мне напрягаться? Я отдал приказ, разве этого мало? Даже на пассажирском лайнере, на который вы купили дорогущие билеты, капитан – царь и бог. А у нас военное и вдобавок пиратское судно. И приказы мои обязательны к исполнению. А теперь извините, я и впрямь хочу поспать. Через три часа мне на вахту, еще через час старт.

– Но вы же мужчина! Сделайте что-нибудь!

– Могу выдать вам успокоительное.

– Василий, неужели совсем ничего сделать нельзя?

Ну, все, приехали. Изабелла явилась, а ее так просто не пошлешь. И кто, спрашивается, ее звал? Спала бы себе да спала… Хотя нет, какой сон, ее вахта

же, так что все логично. Но все равно, какого черта! Вместо того, чтобы молчать в тряпочку, хочет вставить свои пять копеек. Благородство продемонстрировать жаждет. К сожалению, сейчас благородство и глупость стали синонимами. А кто этого не понимает, живо переселяется на два метра ниже уровня грунта. Но все равно ответить придется.

– Есть вариант, но сложный, опасный и, с моей точки зрения, абсолютно ненужный. Отправиться самому, найти парня и забрать, наваляв тем, кто будет сопротивляться, хороших люлей. Тебя устраивает такой ответ?

– Я пойду…

– Сидеть! Ты на вахте, или забыла?

– Но…

– И навешают не ты, а тебе. То, что там сплошь извращенцы, не значит, что они слабаки. А вытащить тебя из местной кутузки будет ой как тяжко.

– Я пойду…

– Мари, а вы вообще идиотка. Наворотили дел, а теперь вас совесть заела? Как вы его вытащите? Устыдите этих уродов до слез? Или до потери пульса? Всем сидеть и не вякать, покидать корабль запрещаю. Изабелла, ты – дура, ясно? Если ко времени старта не вернусь, улетайте без меня. И пошли вон! Дайте штаны надеть хотя бы…

Дурак и идиот здесь я сам – так думал Камнеедов спустя десять минут, подходя к зданию космопорта. Маленькому и неприметному – здесь принимали не более трех-четырех кораблей в сутки, в основном местных линий, и большое количество персонала, равно как и столичных размеров залы, просто не требовалось.

Вообще, здание неприметным было только по меркам этого места. А так… Больше всего оно напоминало розовый торт с фигуркой в центре. Роль фигурки выполняла слепленная из прозрачного бронепластика башенка, сейчас пустая. Ими украшались многие провинциальные космопорты. Они, конечно, в эпоху

автоматизации и компьютеров не функциональны совершенно, однако же – традиция. Но, стоит признать, строивший это место человек дело знал, и в архитектурный ансамбль здание вписалось практически идеально.

На входе, снаружи, откинувшись на мягком раскладном стуле и наслаждаясь ветерком, скучал охранник, просматривающий на планшете то ли газету, то ли журнал с порнушкой. Плечи широкие, бицепсы могучие – здесь любили красоту и эстетичность форм. При появлении незваного гостя охранник поднял глаза – и это было последнее, что он успел сделать.

– Люблю провинцию, здесь наплевательски относятся к правилам, – пробормотал Камнеедов, аккуратно затаскивая бесчувственное тело в здание и осторожно, хотя и без лишних сантиментов, опуская его на пол. Зафиксировал ему конечности скотчем – тем великим офисным изобретением, что есть везде и не меняется столетиями. – Давай, поспи чутка. За порядком на месте рабочем лучше следить тебе надо было…

Несколько простейших манипуляций прямо с терминала охраны – и система контроля порта начала перезагрузку. Не самый быстрый процесс, особенно если знать, как его затормозить. Никаких диверсий, что вы! Всего-то полная загрузка и проверка всех систем. Быстрая перезагрузка – минуты две, такая – свыше получаса. Навигационная аппаратура здесь новая, а вот компьютеры так себе, поэтому – долго. Никто не заподозрит – сейчас не ожидается кораблей, обычно именно в такие моменты перезагрузку и проводят. И в течение получаса космопорт не будет иметь связи, ни внешней, ни внутренней, отключатся системы наблюдения, остановится все, кроме самых примитивных систем вроде кондиционеров и светильников. Идеальный расклад.

Теперь вставить в разъем флеш-карту. Маленькую, с ноготь. Страховку на будущее, так сказать. Она запустится, когда загрузится система. Все, можно идти дальше, и да спасет неудачников, попавшихся на пути, Великий Космос.

Ему встретился еще один доблестный представитель охраны, лениво застегивающий ширинку выходя из сортира. Его Камнеедов отключил так же легко и непринужденно, как и первого, правда, сломав при этом челюсть. Ничего личного, просто так было проще. Оставалось лишь связать его. Хорошо, скотч прихватить догадался. Потом был какой-то работяга, которого диверсант вырубил куда аккуратнее. Он-то почти наверняка натурал, это в силовые структуры им ходу нет, зато грязную работу местная элита сваливает на таких с

удовольствием. Ну и, наконец, диспетчер, сидящий в центральном посту и аккуратно, пилочкой рихтующий ногти.

– Что за… – начал он удивленно, однако закончить фразу не успел. Камнеедов рывком выдернул его из кресла и, не говоря ни слова, сунул пальцы диспетчера в дверной косяк. Рывок, хруст, вопль… С каменным лицом посмотрев на изувеченные суставы пленного, Камнеедов привел его в чувство, после чего начал задавать вопросы. И, разумеется, получил на них ответы. Трансвеститы вообще склонностью к такого рода беседам и стойкостью к боли не отличаются.

Еще через пятнадцать минут он вылез из машины аккурат напротив шикарного даже по меркам Империи дома. Мимолетом подумал, что неплохо живут здешние диспетчеры. Авто, которое он у него позаимствовал, было из дорогих и скоростных. Жаль, в корвет его не запихаешь – трюмы слишком маленькие. Ну и черт с ним…

Ворота, естественно, никто не открыл, да Камнеедов и не стучался. Перемахнул через ограду, больше декоративную, чем защищающую двор от незапланированного проникновения, и быстрым шагом направился к дому. У дверей которого обнаружился невозмутимый дворецкий самого что ни на есть британского вида, даже во фраке.

– Вам назначено?..

Вместо ответа Камнеедов сцапал его за кадык и негромко, но очень внятно, произнес:

– Веди к хозяину или умрешь. Галопом.

Что же, дворецкий мог похвастаться не только выправкой, но и наличием мозгов. Героя из себя он строить, во всяком случае, даже не пытался. Учитывая, что он непрерывно чувствовал кончик ножа аккурат рядом с печенью, решение абсолютно правильное. И он остался жив, отделавшись «всего лишь» шишкой на темечке, когда Камнеедов, входя в хозяйский кабинет, позаботился о безопасности тылов. Дворецкий осел грудой мятого тряпья, а русский вошел в комнату, и, дабы привлечь внимание, пинком отбросил тяжелый, украшенный резьбой стул.

Кабинет был огромным, в викторианском стиле. Мебель соответствующая, но сразу видно – новодел. Нет, разумеется, никакого пластика, дерево и, возможно, даже с Земли, но – новодел. Василий в детстве насмотрелся на антикварные вещи, при институте, в котором работал отец, был отличный музей. Зато коллекция холодного оружия на ковре выглядела достаточно убедительно. Не факт, что настоящая, но если и подделки, то весьма качественные.

А вот хозяин оказался подделкой стопроцентной. Этакий богатый чудак, наряженный в одежды той эпохи, но при этом все равно выглядящий плебеем, косящим под лорда. Дворецкий – и тот смотрелся убедительнее. Но возмущение на его лице было такое, что любой Станиславский заорал бы «Верю!» и захлопал в ладоши. Наверное, он и впрямь оказался не в восторге от посетителя.

– Кто вы? Что вы себе…

Поток слов был прерван коротким ударом в солнечное сплетение. Хозяин дома поперхнулся словами, удивленно выпучил глаза и сложился пополам. Камнеедов толчком отправил его в ближайшее кресло, задумчиво осмотрел висящую на стене коллекцию, отметил, что оружие не закреплено на ковре намертво, а висит на тонких крючьях из антикварной проволоки, и поинтересовался:

– Ну что же, начнем КВН. Вы и впрямь считаете себя бессмертным? Или просто неуязвимым?

– Чег-го? – прокашлял охреневший мужчина.

Камнеедов досадливо поморщился:

– Хотите, я вас нарежу на кусочки, дабы избавить от досадных заблуждений? Возьму, к примеру, вот этот эсток[6 - Узкий граненый меч, предназначенный для колющих ударов.] и приколю вас к креслу. Или вон тот бастард[7 - «Полуторный» меч, позволяющий работать с ним как одной, так и обеими руками.]… Или скьявону[8 - Разновидность венецианского меча, прямой клинок, развитый «корзинчатый» эфес, удобен как для пешего, так и для конного боя.]. О, красота какая, отточен что надо! Вы как, для красоты его держите или все же владеть умеете? Впрочем, какая разница… Возьму его – и нашинкую вас в капусту, – и, резко приблизив свое лицо к роже противника, так, что тот шарахнулся, вжимаясь в кресло, рыкнул: – Где мальчишка, урод?!!

– К-какой мальчишка…

– Не скрипи извилинами. Тот, которого тебе меньше часа назад с космодрома привезли.

Где?!!

– Ах, его, – только что испуганный до потери пульса хозяин особняка поразительно быстро возвращал себе спокойствие, и это не понравилось Камнеедову. – Так я сейчас…

Как он ухитрился выпрыгнуть из кресла и уклониться от захвата, десантник так и не понял. Вывернулся, проскочил к стене, сдернул с ковра антикварный баллок[9 - Весьма популярные в средневековье кинжалы, объединенные специфической формы рукоятью. По ней их, собственно, и идентифицируют. К слову, оружие весьма пошлое и по названию, и по форме.] и попер на русского. Ну, это он зря, конечно. Какие-то приемы этот человек знал, сомневаться не приходилось, но если в первый раз удалось сыграть на внезапности, то сейчас… В общем, он ударил всего один раз, лишь со свистом разрубив клинком воздух, после чего вновь оказался в кресле, но на сей раз со сломанными руками и предусмотрительно отобранным кинжалом в ноге. Не опасно, однако же, вкупе с болью, собственная кровь может вызвать панику и у человека посерьезнее. И естественно, что информацию Камнеедов на сей раз получил.

Из дома они выбрались очень быстро и рванули в сторону космопорта. Ну, как рванули – поехали – движение заметно оживилось, и особо лихачить было попросту опасно. Камнеедов крутил руль, мальчишка дулся рядом. Ему, видите ли, понравилась комната с игрушками и стол с вкусняшками. Дятел малолетний…

Хорошо еще, городишко такой, что за пять минут по диагонали проскочишь. И погоня обнаружилась уже на подходе к космопорту. Интересно только, кто ее поднял? Кто-то в порту очухался или хозяина особняка нашли и выпустили из подвала? Впрочем, данное обстоятельство выглядело откровенно маловажным, равно как и полицейское авто сзади. А вот такое же впереди, да еще поперек дороги… Камнеедов на миг позавидовал жителям более развитых планет с их воздушными трассами, но играть приходилось с теми картами, что были на руках. Проще говоря, стрелять первым.

Те, кто говорит, что извращенцы не умеют стрелять и драться, люди или наивные, или глупые. Впрочем, это практически одно и то же. Но вот то, что полицейские вздумали с парализаторами выйти против человека, в одиночку захватившего космопорт, говорит не в пользу их адекватности. Да и вообще, полицейские машины здесь были не предназначены для защиты экипажа от обстрела. Камнеедов снес загораживающую дорогу рухлядь с одного выстрела, благо десантный лучемет изначально предназначался в том числе и для борьбы с легкобронированной техникой. Полицейские тараканами метнулись в стороны, и беглецы лихо промчались мимо, издевательски крякнув доблестным защитникам порядка клаксоном. Вторая машина моментально отстала – видимо, ее водитель был адекватен и хотел жить.

– Х-хе! – Камнеедов еще сильнее притопил газ и щелкнул пальцем по браслету, активируя связь. – Изабелла, милая, вы там меня еще не потеряли? Скучаете?

– Нет, – голос звучал хрипловато. Наверное, мороженого объелась – она к нему с детства была неравнодушна.

– Это ответ на какой вопрос?

– На оба, придурок! Что с тобой?

– Со мной? Абсолютно ничего. Даже не убил никого, скоро буду, крошка.

– Ты – идиот!

– Ну, я рад за тебя. Скажи, кто твой друг, и все такое… А теперь слушай внимательно. Начинай прогревать двигатели. Подъезжаю – и сразу стартуем. Пока-пока, сладкая.

– Извращенец, – фыркнула Изабелла и прервала связь.

Конечно, она выполнила приказ, и когда автомобиль подрулил к трапу, от рева выходящих на режим двигателей закладывало уши. Подхватив испуганно заверещавшего пацана, Камнеедов молнией взлетел по ступеням, швырнул груз на руки Мари и бегом промчался в рубку. Вбежал, плюхнулся в кресло, злорадно ухмыльнулся опешившей от такого напора Изабелле:

– Если ты думала, что меня там пристрелят, зря надеялась. Стартуем.

Корвет завибрировал и начал, задирая носовую часть, плавно отрываться от бетонных плит космодрома, с которых яростный ветер, поднимаемый стартовыми двигателями, сметал песок, мусор и прочее непотребство. Потом грохот, который не могла поглотить даже многослойная обшивка, перешел в рев, и корвет рванулся навстречу местному изумрудно-зеленому небу с редкими белоснежными облаками. Не будь на нем хороших, почти новых противоперегрузочных устройств, экипаж сейчас размазало бы по переборкам. И почти сразу же клякнул сигнал вызова.

– Ответить?

– Отвечай, девочка, отвечай, – Камнеедов извлек из кармана огромный клетчатый платок и принялся вытирать им красное, распаренное лицо. Все же запустил он себя изрядно, еще лет пять назад и не вспотел бы. Хотя, может статься, всему виной теплый климат и высокая влажность, обычные составляющие погоды на Гее.

Изабелла недовольно хмыкнула, очевидно, не зная, как правильно реагировать на «девочку», и включился экран, на котором обнаружился лощеный тип в мундире здешних сил противокосмической обороны. Учитывая специфику планеты, излишне аляповатый и с массой ненужных украшательств. Тем не менее смотрелся он достаточно стильно, в нестандартном подходе к фасону местные толк знали.

– Корвету «Викинг». Приказываю немедленно прекратить взлет, или вы будете уничтожены…

– Все понятно, – Камнеедов, даже не соизволив дослушать сообщение до конца, выключил связь. – Продолжаем разгон.

– А если они откроют огонь?

– Не откроют. Тройное «S» на аварийной волне – и ничего не бойся.

И впрямь не открыли. Когда звездолет вырвался в открытый космос, и орбитальные крепости, и стационарные батареи планетарного базирования выглядели мертвыми. Да, в принципе, не только выглядели. Та самая флешка, которая была вставлена в компьютер заштатного космодрома, при перезагрузке загрузила в систему вирус. Когда-то, уходя со службы, Камнеедов прихватил таких целую коллекцию на память.

Разумеется, имей они дело с серьезной державой, озабоченной защитой своих коммуникационных сетей, его остановили бы и деактивировали сразу же. Боевые вирусы устаревают чрезвычайно быстро. Но местные-то к серьезным не относятся, Гея – мир отсталый, да еще и независимый, и технологии у него соответствующие. Так что давным-давно устаревший боевой вирус легко проник в сети, разошелся по серверам, и по сигналу, тому самому тройному «S», блокировал связь и «уронил» системы управления. Встало сразу все, от заводов и банков до боевых станций.

Без сомнения, что регулирование дорожного движения, что орудийные башни можно перевести на ручное управление, а вирус локализовать и нейтрализовать. Вот только не сразу, да и персонал для этого надо серьезный, а не «технически продвинутая молодежь», от которой больше шума, чем пользы. В общем, на несколько часов планета осталась без защиты, и имей Камнеедов такую блажь, то мог бы сделать с ней что угодно. Ограбить банковскую сеть, например. Вот только за международным грабителем такого масштаба начнут охотиться с пеной у рта, дабы не допустить подобное в дальнейшем. Сейчас же происшедшее – повод открыто поиздеваться над местными гомиками, и только. Вот пусть этим и останется.

Все это Камнеедов объяснил Изабелле между делом, после того, как согласовал со штурманом курс и начал разгон перед гиперпрыжком. Что хорошо, так это полное отсутствие погони. Не потому даже, что там вирус поработал, а по причине отсутствия на Гее толкового флота. Летать местные не любили – это же риск, а погибать так неэстетично… Конечно, какие-то легкие корабли у них имелись, но пытаться на них перехватить корвет имперского производства, даже порядком устаревший, это извращенная форма самоубийства. А значит, нечего и дергаться. Разумеется, эти злые гомосеки будут жаловаться, причем громко, но репутация на сей раз наверняка сыграет против них. В общем, тревожный и полный событиями день остался позади. Для Камнеедова, разумеется. А вот у Изабеллы проблемы только начинались.

Пока они колдовали над приборами и уводили звездолет с негостеприимной планеты, выяснилось, что: а) мальчишку укачало и б) стошнило. Учитывая, что он успел, будучи в особняке, обожраться всякой дрянью, ожидаемо. А вот кто теперь убирать будет? Мари? Логично. Вот только она при старте грохнулась, сломала руку и теперь лежала в уютной камере диагноста. Ничего страшного, но пару дней она там пробудет. Камнеедов? Совсем нелогично. Он вообще предпочел бы мальчишку на корабле не видеть. Штурман? А он тут при чем? У него и своих дел хватает. Кими? Она, во-первых, к происходящему отношения не имеет, а во-вторых, ей пацана и поручили, чтоб успокоила и спать уложила. Так что единственным, кто при делах, оказалась Изабелла. И вообще, на корабле давно пора, наконец, убраться. Именно это (а также все остальное вышеперечисленное) и объяснил ей капитан, торжественно вручая даме швабру.

Спустя полчаса, когда спина уже болела, а окончание работы было далеко, как Бетельгейзе, Камнеедов вышел из душа и, бодро мурлыкая себе под нос популярную и чертовски прилипчивую мелодию, двинулся навстречу койке и сну. И едва не споткнулся об стоящее посреди коридора ведро с грязной водой, после чего высказал свое возмущение и получил в ответ много приятных слов. Пользуясь возможностью передохнуть, Изабелла выдала все, что думает о нем, капитанском самодурстве и отроду не мытых палубах.

– И чем же вы так возмущены, мадемуазель? – поинтересовался Камнеедов, стоически вынеся этот шторм, который, любой мужчина подтвердит, может оказаться страшнее океанского. – Я ведь всего лишь исполнил вашу с Мари прихоть.

– Скажи еще, сам бы не пошел.

– Добровольно – ни за что.

– Кому другому расскажи. Я тебя знаю как облупленного.

– Знала, ты хочешь сказать. С момента нашей последней встречи во мне не осталось ни одной прежней молекулы. Запомни раз и навсегда. Я вытащил его не из-за того, что испытываю к этому мелкому поганцу хотя бы тень симпатии. Не из-за того, что мы в ответе за тех, кого приручаем. И даже не из-за твоих красивых глаз. Я просто этих уродов ненавижу, ясно?

– Ой, врешь, ой, врешь, – прищурилась Изабелла.

– А ты давай, заканчивай с умствованиями и продолжай выполнять приказ капитана.

– От работы кони дохнут.

– Зато люди крепнут. Ты мой, мой, не останавливайся.

Изабелла вздохнула и вновь принялась елозить шваброй, а Камнеедов с чувством морального превосходства отправился в свою каюту. И единственным, что подтачивало его триумф, было осознание факта: кое в чем Изабелла права. Впрочем, это было мелочью.

Через сутки корвет ушел в прыжок, чтобы выйти из него буквально полтора часа спустя. Плечо броска было наикратчайшим, а гипер на этот раз спокойным донельзя – всего-то пять измерений. Камнеедов с некоторой долей удачи при таких раскладах и сам бы справился. И выход осуществили достаточно точно, поэтому вскоре на экранах, а потом и визуально, перед ними во всей красе предстала планета Новая Бухара. То самое место, где Камнеедов рассчитывал получить доступ к медицинскому оборудованию и, возможно, еще кое-какую помощь.

На улице стояла жара, но в помещении вербовочного пункта царила ровная, приятная телу прохлада. Точнее, приятной она была для вербовщика, а двое местных, ежась от холода, затирали пятна крови, в изобилии разбросанные на полу и стене. Работали они не то чтобы лениво – скорее, равнодушно, и даже холод не мог заставить их хотя бы чуть-чуть ускориться. Местная психология, чтоб ее. Пока не перетянешь толстой палкой по хребту, работать не станут. А вставать и идти за палкой было лень. Вербовщик и сам не заметил, как заразился фатализмом этого места. А раз так – пускай себе возятся хоть до утра. Тем более, к появлению сих примечательных пятен эти двое имели непосредственное отношение.

В самом деле, как иначе назвать ситуацию, при которой они влетают в помещение и требуют немедленно подписать контракт? Покрытые пылью (для этого мерзкого места более чем обычное явление), грязью (а вот с этим уже

интереснее, ибо вода не то чтобы в дефиците, но все же ее не океаны, а потому лить ценную жидкость в пыль просто так никто не станет) и кровью. С последней вообще весело, кровь, а также резаные дыры на одежде – это как минимум серьезный конфликт с кем-то, и если парни сюда примчались, значит, всерьез боялись, что им оторвут головы. В такой ситуации вербовочный пункт надежнее полиции, в которой могут найтись родственники твоих врагов. А вербовщиков традиционно ставят из тех людей, что никак с местными не связаны. Частенько даже, не с этой планеты, и такая политика оправданна.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Роберт Эдвард Ли, генерал времен гражданской войны в США. Воевал на стороне Юга (Конфедерация).

2

Младший научный сотрудник.

3

См. роман «Идущие на смерть».

4

Огава – фамилия, перевод – маленькая река. Кими – имя, перевод – честный, благородный. В японском языке фамилия ставится перед именем.

5

См. роман Space Quest.

6

Узкий граненый меч, предназначенный для колющих ударов.

7

«Полуторный» меч, позволяющий работать с ним как одной, так и обеими руками.

8

Разновидность венецианского меча, прямой клинок, развитый «корзинчатый» эфес, удобен как для пешего, так и для конного боя.

9

Весьма популярные в средневековье кинжалы, объединенные специфической формы рукоятью. По ней их, собственно, и идентифицируют. К слову, оружие весьма пошлое и по названию, и по форме.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mihail-miheev/imperskiy-korsar

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить